

ЛЮДМИЛА ИЛЬЮНИНА

Святая простота

СТАРЕЦ НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ

Людмила Ильюнина

**Святая простота. Старец
Николай Гурьянов**

«Вольный странник»

2021

Ильюнина Л. А.

Святая простота. Старец Николай Гурьянов / Л. А. Ильюнина —
«Вольный странник», 2021

ISBN 978-5-905113-61-1

«Над умными есть разумные, над разумными есть мудрые, над мудрыми есть премудрые, а над премудрыми – святая простота», – эти слова старца Николая Гурьянова объясняют название данной книги. Простота старца была воистину святой и поучительной. Также он любил повторять слова прп. Амвросия Оптинского: «Где просто – там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного». Святые отцы называли простоту одним из свойств Бога, а старец Николай для нашего путанного, непростого времени был подлинно вестником Божиим. В сборник вошли жизнеописание старца и воспоминания о нем, а также письма, написанные им. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-905113-61-1

© Ильюнина Л. А., 2021

© Вольный странник, 2021

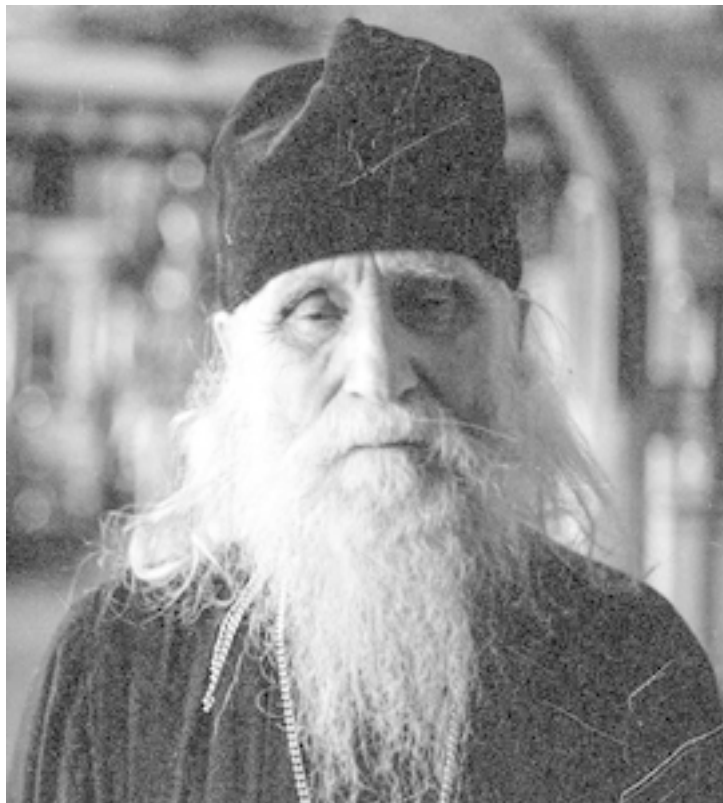
Содержание

Предисловие	6
I. Жизнеописание старца Николая Гурьянова	9
Годы детства и юности	9
Исповеднический путь	15
Военные годы, постриг в иночество, рукоположение во священника	19
Начало священнического служения в Литве	21
Учеба в духовных школах	24
Переселение на Талабский остров	26
Первые годы подвижничества посреди Псковского озера	29
Новые гонения	31
Островная семья старца Николая	34
Благодати старчества наследник	38
Столп старчества. Всеправославное служение	41
Старец Николай – почитатель Царственных страстотерпцев	46
Помощь старца в восстановлении храмов и монастырей России	49
Крестоношение старца в последнее десятилетие жизни	51
Юродство блаженного старца	54
Случаи прозорливости	57
Чудотворения по молитвам старца	60
Исход в вечность	62
Погребение	64
Чему учил старец. Краткие изречения старца Николая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Людмила Александровна Ильюнина

Святая простота. Старец

Николай Гурьянов

© Ильюнина Л. А., 2021

© Оформление. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2021

Предисловие

Предварим наше¹ жизнеописание портретом старца, который сохранен не только во множестве любительских и профессиональных фотографий, в видеозаписях, но и с любовью запечатлен в слове.

Именно слово может отразить тайну и тишину, которая охватывала душу при встрече со старцем. Тайна эта была в надмирности подвижника. Старец мог предстать перед людьми как «ветхий деньми», особенно, когда выглядывал из окошечка своего домика или появлялся на пороге, – казалось, что пришел он из прошлых тысячелетий: таким древним, величественным был его облик. Но тут же батюшка начинал шутить, быстро убегая от посетителей, и в ответ на высокие мысли мог сказать: «Я ребенок, вот и играю!»

Все знали, что у батюшки больные ноги, – он ходил, опираясь на палку, но, сколько свидетельств о том, что за батюшкой было не угнаться, когда он бежал (чаще всего паломники говорят: «Будто летел») по острову. *Сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

От батюшки исходили свет и тепло, и всегда чувствовалось неземное происхождение этой силы, освещающей и согревающей души людей. А внешне он был необычайно скромен. Ходил всегда в стареньком выцветшем подряснике, в такой же скуфеечке, а в то время, когда еще путешествовал – уезжал с острова для встречи с духовными чадами и друзьями, – его видели в стареньком беретике, иногда в маминой кофте поверх рясы и плащике, калошах. По острову батюшка ходил в валенках, а руки всегда были открытыми, даже когда на морозе он часами помазывал паломников «иерусалимским маслицем».

---

¹ Местоимения во множественном числе здесь и далее употребляются не как дань стилю, но сознательно: так как действительно книга не является чисто авторской, она – плод трудов очень многих людей, которым составитель приносит сердечную благодарность. Да помилует вас Господь молитвами старца Николая!

Весь облик батюшки был поучителен, его благословение – действенно, и не ищущие своего паломники, по слову апостола Павла о Божественной любви (см. 1 Кор. 13, 5), находясь рядом со старцем, могли бы воскликнуть: «Для меня достаточно того, что я сподобился видеть вас!»²

«Облик батюшки трудно описать словами. Это удивительная чистота, свет и доброта. Необыкновенная любовь. Необыкновенная святость. И необыкновенный голос. “Ну, до свиданья, дорогие мои, Ангела-Хранителя!” – благословляя всех, произносил батюшка таким голосом, забыть который просто невозможно»³.

Говорил батюшка мало (недаром любил пословицу: «Слово – серебро, а молчание – золото»), но любил петь – пел у себя в домике, аккомпанируя себе на фисгармонии, любил попеть с народом – часто читал духовные стихи. И как будто одни и те же песни и стихи все время повторял батюшка, а смысл их открывался по-новому для разных людей.

Батюшкина основательность выражалась даже в дикции: когда он говорил, был ясно различим каждый звук. Хотя часто он намеренно начинал говорить на непонятных для людей языках или на языке, понятном только кому-то одному из паломников. Как сказала одна из духовных чад батюшки: «Вокруг него все было возвышенно и гармонично. Все в его окружении было другое, чем в нашей обыденности, все дивно и трепетно».

Но узреть эту гармонию могли только духовные, а не телесные очи. Потому что телесным очам представлялась совсем другая картина: «У отца Николая окна в комнате были закрыты наглухо – он не видел дневного света из своей комнаты. Свет был только на кухне. Батюшка же молился в комнате, в которой не было света солнечного, не было воздуха»⁴. Но и эти тяжелые условия могли служить поучением – тот же паломник пишет: «Для нас это – стихийное бедствие, настолько мы привыкли к комфорту... Хотя у старца Николая не было солнечного света, но в нем самом горел Божественный свет – от молитвы и смирения. И он, как древний святой в патерике, мог сказать: “Не вставай, солнце! Ты мне мешаешь зреть Божественный свет!”

---

² Эти слова сказал один из посетителей прп. Антония Великого в ответ на его вопрос, почему он, в отличие от других, у него ничего не спрашивает. «Ты» я заменила на «Вы», потому что старец Николай ко всем обращался на «Вы».

³ Котькало С. И., Мусин М. М. Боже, зри мое смирение. М.: Ихтиос, 2004. С. 117.

⁴ Зотова-Печерская Т. Жил на острове праведник: жизнеописание старца протоиерея Николая Гурьянова. Псков: Стерх, 2009. С. 48.

Сам батюшка не любил, когда его так превозносили. Однажды, провожая паломников, сказал: “Я вам сейчас свою фотографию подарю”. И вынес шоколадку: на обертке был изображен медведь на цирковом шаре во весь рост. “Вот, это моя фотография”, – сказал батюшка, вкладывая в руки подарок. И еще проговорил: “До свиданья, не забудьте моего страдания”»⁵.

Часто батюшка спрашивал: «А ты меня помнишь?»

И теперь понятно, что память о старце значит больше, чем только память об одном из угодников Божиих, – это постоянное напоминание о жизни по евангельским заповедям, это память о вечности, в которую мы все будем призваны.

Молитвами приснопоминаемого старца протоиерея Николая Гурьянова да сохранит и помилует нас всех Господь!

---

⁵ Котькало С. И., Мусин М. М. Боже, зри мое смирение. С. 48.

І. Жизнеописание старца Николая Гурьянова

Годы детства и юности

Протоиерей Николай Алексеевич Гурьянов родился 24 мая 1909 года в селе Чудские Заходы Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Семья была с достатком. Отец, Алексей Иванович Гурьянов, происходил из купеческого звания, имел свой магазин. В роду старца Николая были и дворяне, военные высокого звания, и мещане, и купцы. Близкие родственники, псковские богатые купцы Захаровы, построили в селе каменный дом. Мать, Екатерина Стефановна (в девичестве Крылова), происходила из зажиточной крестьянской семьи. Были они односельчанами, их село – Чудские Заходы – находилось неподалеку от Гдова. По преданию, Гдов (в просторечии Вдов) был уделом вдовствующей княгини Ольги. На этой поистине многострадальной земле почти никогда не прекращались войны. Помнит Гдовщина дружины святого Александра Невского и царя Иоанна Грозного, Петра I и героя Бородина графа П. П. Коновницына. Боевые стены Гдовской крепости окружают главную святыню – собор во имя иконы Божией Матери «Державная». Это первый храм на Руси с таким посвящением, построенный после 1917 года. Он построен на фундаменте храма XVI века, взорванного в 1944 году. Уничтоженный храм был в честь покровителя воинов – великомученика Димитрия Солунского. Путник, нашедший дорогу в Гдовскую крепость, проникается видом глубокой таинственной древности всей этой земли.

Господь судил великому духовному ратоборцу XX века старцу Николаю Гурьянову родиться именно в том месте, где испокон веку решалась судьба нашего Отечества. Село Кобылье Городище, где стоял храм, в котором крестили будущего старца и с которым связаны годы его детства и юности, особенное в истории Руси. Неподалеку от него произошло знаменитое Ледовое побоище.

Церковь в честь Архистратига Божия Михаила в Кобыльем Городище была построена в 1462 году. Предание гласит, что именно Архангел Михаил покровительствовал в сражении ратникам Александра Невского и что именно он помог им, рассеявшимся по окрестностям, на следующий день после битвы собраться воедино и дружно двинуться в Псков.

С раннего детства маленький Коля Гурьянов прислуживал в алтаре в храме Михаила Архангела. Любовь к храму и к церковному пению была присуща всем членам их семьи: его отец, Алексей Иванович, был регентом и уставщиком церковного хора; старший брат, Михаил Алексеевич Гурьянов, средние братья, Петр и Анатолий, также обладали музыкальными способностями, а старец Николай любил петь до самой своей кончины и подыгрывал себе на фисгармонии. Все три брата старца погибли на войне. Батюшка так вспоминал об этом: «Отец у меня умер в четырнадцатом году. Осталось нас четверо мальчиков. Братья мои защищали Отечество – и от фашистской пули, как видно, не увернулись... Благодарите Отца Небесного, мы живем теперь, у нас все есть: и хлеб и сахар, и труд и отдых. Я стараюсь вносить в Фонд Мира ту копейку, которая помогает избавиться от этих военных действий... Война ведь пожирает молодые жизни. Не успел человек открыть дверь в жизнь – уже уходит...»

У отца будущего старца, Алексея Ивановича Гурьянова, был крутой, вспыльчивый нрав, а мать, Екатерина Стефановна, которая была младше его на 12 лет, умела своей кротостью и мягкостью укрощать этот нрав и поддерживать мир в семье. Детям в семье прежде всего прививали твердую веру и любовь к Церкви.

Старец Николай унаследовал от отца силу характера, только крутость его была преображена в твердость и мужественность. А от матери он унаследовал мягкость и природную деликатность в отношениях с людьми. Этот дар был возвращен в отрочестве не только матерью, но и бабушкой, Дарьей Сергеевной Крыловой, и тетушкой Ириной (сестрой матери), которые были истинными Христовыми подвижницами. К тетушке мальчика часто отвозили на побывку в Петроград, к ней он потом поехал начинать самостоятельную жизнь. И бабушка, и мама мальчика много молились о нем, мама ездила по монастырям, пока они еще не были закрыты, обращалась за советом к подвижникам. Чаще всего ездила именно вместе с сыном Николаем (три других мальчика не проявляли такого рвения ко всему «божественному») в женский Свято-Троицкий Творожковский монастырь, который сейчас восстал из руин, и в Спасо-Елеазаровский монастырь, ныне восстановленный по молитвам старца.

Николай Гурьянов очень любил учиться и учился всю жизнь. С детства очень любил читать и впоследствии призывал и духовных чад своих не расставаться с книгой. Учился он не только по книгам, но и у людей святой жизни, назовем их имена: настоятель храма Михаила Архангела в Кобыльем Городище, где с шести лет Коля прислуживал в алтаре, игумен Антоний (Лучкин), епископ Псковский Геннадий (Туберозов), блаженный Михаил Талабский, священник Александр Чернышев (в Малой Вишере), прмц. Мария Гатчинская, прп. Серафим Вырицкий, епископ-исповедник Борис (Шипулин), митрополит Сергей (Воскресенский), прп. Симеон Псково-Печерский, митрополит Иоанн (Разумов).

Будущий старец Николай Гурьянов побывал на острове Залита (в ту пору Талабске) еще в отроческом возрасте. Рассказывают, что примерно в 1920 году настоятель храма Архангела Михаила, в котором отрок Николай прислуживал алтарником, взял мальчика с собой в Псков. Добирались водным путем и на острове Талабск пристали отдохнуть. Пользуясь случаем, решили посетить подвижающегося на острове блаженного. Звали его Михаилом. Был он болящим, всю жизнь носил на теле тяжелые вериги и почитался как прозорливец. Говорят, что блаженный дал священнику маленькую просфору, а Николаю – большую и сказал: «Гостек наш приехал», – предсказав ему таким образом будущее многолетнее служение на острове. Отец Николай, поселившись на острове прямо напротив кладбища, постоянно навещал место вечного упокоения блаженного Михаила, приглашал паломников помолиться у креста над дорогой для него могилой.

С 1910 года епископом Гдовским, викарием Санкт-Петербургской епархии, был будущий священномученик – митрополит Вениамин (Казанский). По сути дела, он заменил мальчику отца, который умер, когда Коле было всего пять лет. По воспоминаниям старца, записанным близкими людьми, он часто бывал в семье Гурьяновых и даже останавливался у них на ночлег. Прислуживая владыке за богослужениями, мальчик впитывал духовную мудрость и мужество святителя и однажды услышал от него: «Какой ты счастливый, что ты с Господом...» – и получил в благословение архиерейский крест, который потом всю жизнь хранил как величайшую святыню.

Слова митрополита Вениамина были напутствием на долгий путь. Всю жизнь, во всех ее испытаниях подвижник, угодник Божий Николай Гурьянов был с Господом – это было его счастьем, смыслом земного странствования, глубиной его внутреннего человека. И всю жизнь он нес крест молитвенного предстояния за многих и многих людей, подобный кресту архиерейскому.

Владыку Вениамина старец Николай чтит как наставника и особенно радовался его официальному прославлению в Соборе святых и тому, что в главном гдовском соборе после этого события один из приделов освятили в честь священномученика Вениамина, признанного небесным покровителем Гдовского края, то есть тех мест, где начиналась и окончилась жизнь старца.

Уже в детские годы Колю Гурьянова называли «монахом». Духовные чада записали рассказ старца о его блаженном детстве: «Меня в детстве все “монахом” называли. А я рад, я, действительно, монах. Никого, кроме Господа, не знал и не искал... У меня своя келия была, так и называли: не комната, а келия. Иконочки везде стояли, молитвословы, книги духовные, огромные царские портреты. Однажды, когда красные бушевали, в окно влетел снаряд и упал возле царских портретов, но не разорвался: вот как меня Царские мученики с детства хранили; а я как их любил! Даже сердце останавливалось, как только думал о них!..»

Среди детей, сверстников Коли Гурьянова, были не только те, кто насмеялся над ним, но и его единомышленники. Старец сам об этом рассказывал: «И что это было у меня? Все время

о Господе думал, говорил и беседовал с Ним. Место наше, Чудские Заходы, больше эстонцами населенное. Так вот еще мальчонкой соберу их всех – Луззи, Магда, Сальма, Эдвард – и говорю: «Давайте с крестным ходом пойдем!» Возьмем кресты, иконы. Так и ходили, а я впереди шел и пел на эстонском: “Issand, heida armu” – “Господи, помилуй”... А потом, когда оставался один, пробирался в баню, прихватывал с собой накидушку с подушек, покрывал ею плечи и начинал служить литургию. Даже кадило сам делал. И плакал, славя Господа. Всегда любил ночную молитву, потому что среди ночи Небеса отверзаются и ангелы внемлют...»

Но уже в раннем детстве дороже всего для юного подвижника было уединение. Старец рассказывал: «С детства любил я бывать на кладбище. Думал о смерти и будущем Суде Божиим. Молился и плакал об усопших».

Главным воспитателем и духовным другом юного подвижника была его мама, которую он после ее блаженной кончины назовет святой. Она научила его молитве, научила постоянному предстоянию пред Господом. Об этом свидетельствует то, что уже в юные годы отрок часто вопрошал мать: «Мама, а это не грешно? Это Господу угодно?» Научила она и любви ко всему живому, которой особенно отличался старец Николай. На острове во дворе домика батюшку часто окружали стаи голубей. Также с мамой они всегда держали в доме котов, и они были как члены семейства, старец даже мог назвать своего котика «сынок».

Екатерина Стефановна Гурьянова, в девичестве Крылова, была ангелоподобным человеком, как говорили те, кто встречал ее в годы жизни на Талабском острове. Она одна подняла и воспитала четырех сыновей после ранней смерти мужа. Старец Николай часто вспоминал пророческие слова своего отца, однажды высказанные за домашней трапезой. Указывая на младшего сына, он сказал жене: «Вот этот тебя доглядит». Так и вышло – вскоре отошел в вечность сам Алексей Иванович, трое старших сыновей погибли «за други своя» на полях Великой Отечественной.

Мать свою до конца дней старец называл ласковым словом «мамушка»: «Мамушка у меня была блаженная, разговоров не любила, больше молчала и беседовала с Господом мысленно, никогда с Евангелием не расставалась. Была очень религиозной и любила клиросное пение».

Но даже глубоко верующей матери было тревожно от того исповеднического настроения, которое ее сын стал проявлять в детские и юношеские годы, пришедшиеся на начало революционной смуты. Этот исповеднический дух был внушен Николаю Гурьянову Самим Господом.

По рассказу одной из первых помощниц старца Николая на острове – монахини Рафаилы, однажды он сам открыл ей это: «В ранней юности, когда я направлялся на вечернюю встречу с друзьями, у гумна с пшеничным зерном я увидел сидящего Господа нашего Иисуса Христа... И Он мне сказал: “Никогда не ходи на гуляния!”» А далее матушка Рафаила свидетельствует: «Батюшка был избран Богом с малых лет... С тех пор возлюбил он Крест Христов, и этой любовью как святыней делился с друзьями». Добавим к этому, что в годы старческого служения на острове старец Николай часто в ответ на вопрос: «Как жить, чтобы спастись?» – пел или читал тропарь Кресту Господню: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим».

Существуют свидетельства о том, что в девятилетнем возрасте в день крестных страданий Царственных мучеников ему было открыто (мы не знаем как – во сне или в тонком видении) то, что происходило в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. В этот день мальчик встретил свою мать-молитвенницу Екатерину Стефановну со словами: «Мама! Мама! Царя убили! Всех! И царевича! Страшно накажет их Господь, окаянных, что царя загубили, всех накажет!» В последние годы своей жизни старец рассказывал, что тогда ему были открыты и страшные подробности мучений Царской семьи. Потрясение от данного ему откровения породило в душе отрока любовь, благоговение и покаяние перед царственными страдальцами, которые он пронес через всю свою жизнь, к чему призывал и приходивших к

нему за советом уже на исходе лет. В год мученической кончины Царской семьи Гурьяновым пришлось непосредственно соприкоснуться с революционной стихией. Художнику П. Оссовскому старец однажды рассказал: «В 1918 году у нас в избе был штаб красных. Я даже помню пулеметы “Максим”. Как-то ночью налетели бандиты, открылась страшная стрельба, зазвенели разбитые пулями стекла. Налет отбили, все были целы, никого не убило. А под моей кроватью нашли гранату неразорвавшуюся»⁶.

Так Господь всегда хранил своего избранника от преждевременной смерти.

Но мама опасалась, что откровенные слова и мысли сына навлекут беду на всю семью. Зная его послушание, она попросила учительницу словесности, Любовь Николаевну Микиткину (у батюшки сохранилась ее фотография, он ее почитал и поминал на молитве до конца своих дней), поговорить с Николаем. В ответ на увещевания молчать юноша сказал: «Если все будут молчать и никто не будет говорить о Боге – все умрут!» А учительницу просил: «Прошу Вас, говорите о Боге и царе. Вам, учителям, грешно молчать, и если вы не будете верить, то будете тяжело болеть».

Это высказывание объясняет, почему Николай Гурьянов решил избрать для себя учительскую профессию и по окончании школы поступил на учительские курсы, потом – в педагогический техникум, позднее – в педагогический институт.

Вероятно, эта же учительница словесности заронила в душу юноши особую любовь к слову, к поэзии. С юных лет Николай Гурьянов записывал полюбившиеся ему стихи в особую тетрадку, которая потом стала основой его заветной книги, получившей название «Слово жизни». В годы старческого служения на острове батюшка благословлял чаще читать детям хорошие стихи, ибо они «умягчают сердце». При этом прибавлял: «Некоторые стихи – как молитва – и человек, читая их, беседует с Господом, а потом полюбит саму молитву, его будет тянуть к ней, чтобы покаяться перед Творцом». Сам батюшка всю жизнь записывал свои молитвенные переживания в поэтические строфы, их он тоже включил в книгу «Слово жизни», о которой речь впереди.

В 1921 году в 12-летнем возрасте было закончено обучение в местной четырехклассной начальной школе, после чего Николай приехал в Петроград и временно поселился у родной сестры матери, а вскоре переехал в город Малая Вишера Новгородской области, где окончил семилетку. В 1924 году после окончания семилетки в 15-летнем возрасте поступил на учительские курсы в том же небольшом городке, неподалеку от Питера. В 1926 году после окончания курсов, движимый любовью к учительскому труду, Николай Гурьянов поступает в педагогический техникум в городе Гатчина (в то время Красногвардейск). И именно здесь (а не в городе на Неве, как предполагалось ранее) учащийся Гурьянов выступил в защиту готовящегося к закрытию храма (Гатчинского Покровского собора) и был в 1927 году исключен из училища, которое он все-таки позднее закончит.

Учась в Гатчине, юноша часто ездил в город на Неве, где жили его тетушки, посещал музеи и театры, но в первую очередь стремился посетить святыни. В то время еще не была закрыта Александро-Невская лавра и духовником в ней был старец Серафим, будущий Вырицкий преподобный. Вероятно, молодой Николай Гурьянов встречался с любвеобильным старцем, во всяком случае, приезжавших потом на остров паломников он посылал на могилку к прп. Серафиму в Вырицу, благословлял молиться ему как святому еще до прославления.

В то время, когда Николай Гурьянов учился в Гатчине, еще была жива преподобномученица Мария Гатчинская, к которой за советом и утешением притекали многие люди. Известно, что к матушке приезжал и духовный отец будущего старца – священномученик Вениамин. Потому думается, что, находясь в непосредственной близости к такой великой подвижнице (она приняла мученическую кончину в 1932 году), тот, кто с раннего детства старался «при-

---

⁶ Жил на острове подвижник / сост. Е. А. Смирнова. М.: Паломник, 2009. С. 374.

никать к святости», несомненно побывал у блаженной старицы Марии. Получил от нее совет, как вести себя в атеистическое время. Сама матушка была исповедницей, к тому же подвигу привлекала и тех, кто с ней соприкасался.

Получая профессию учителя, Николай Гурьянов явно готовил себя к исповедническому служению. На это его вдохновил подвиг духовного отца – митрополита Вениамина (Казанского) – и, как мы предполагаем, преподобномученицы Марии Гатчинской.

После мученической кончины святителя в 1922 году 13-летний Николай написал сугубую ектению, которую он возносил Господу всю свою жизнь. В нотной тетради батюшки под этой ектенией его рукою было написано: «Светлой памяти духовного отца митрополита Вениамина. 1922 год».

Исповеднический путь

По словам старца, записанным духовными чадами, причиной ареста было его смелое слово в защиту веры и поруганных святынь.

В 1929 году 20-летнего Николая Гурьянова арестовали за то, что он писал письма, собирал подписи у прихожан, отправлял и отвозил их в соответствующие инстанции в защиту арестованного настоятеля храма свт. Николая в поселке Ремда, где он после отчисления из педучилища работал псаломщиком. В Ремде Николай Гурьянов работал в школе: преподавал математику, физику и биологию. Те пожелания, которые он когда-то высказал своей любимой учительнице, он сам стал исполнять на поприще учительского служения. В 1930 году по приговору ему была назначена высылка за пределы РСФСР.

По словам старца, неизвестный архиерей, встреченный им в тюрьме, сказал про него: «Вот цветок только распустился – сорвали и топчут его в грязь...»

«Так было с нашей Святой Русской Православной Церковью, – говорил батюшка, всегда со слезами вспоминая страдания миллионов людей, – ее распинали». Теперь эти муки народа получили название «Русской Голгофы».

Благодаря подвижническим изысканиям печорской исследовательницы Т. Зотовой стали известны подробности первых страдальческих лет тюремных и лагерных испытаний, которые пережил будущий старец.

Суд над ним состоялся 7 мая 1930 года в Ленинграде и постановил: «Николая Алексеевича Гурьянова выслать на два года за контрреволюционную агитацию»⁷. Ссылка была назначена в село Сидоровичи Розважевского района Киевского округа. Прежде чем ехать в место ссылки, молодому исповеднику Христову удалось побывать у святынь Киева – в Лавре, в Покровском и Флоровском монастырях.

Бог милостив: местный архиерей с состраданием отнесся к ссыльному – и он стал служить псаломщиком в храме. Но в скором времени, не прошло и года со времени поселения будущего старца в Сидоровичах, как на него был написан донос. И 24 марта 1931 года он был вновь арестован. Почти полгода воин Христов Николай находился в пересыльной тюрьме в Киеве. Сохранились драгоценные воспоминания о том, что и в тяжелых тюремных условиях он проявлял доброту не только по отношению к людям, но и птичкам Божиим. Он привык их кормить с шести лет – и в тюрьме треть своего небольшого пайка выделял птичкам, которых кормил через решетку.

20 августа 1931 года состоялся суд. Обвинение гласило: «контрреволюционная деятельность, антисоветская агитация, уговаривал молодежь ходить в церковь, разучивал религиозные песнопения с молодежью...», и вместе с еще тремя обвиняемыми по делу Николай Алексеевич Гурьянов был осужден на три года ссылки в Северный край.

Осенью 1931 года после изнурительно долгой дороги ссыльный Николай Алексеевич Гурьянов прибыл в Сыктывкар. По данным Т. Зотовой 23 октября 1931 года, ссыльный Гурьянов бежал из Сыктывкара, но был пойман, избит и помещен уже в лагерь и направлен на строительство железной дороги до Ухты и Воркуты – за Северным полярным кругом, в районе вечной мерзлоты и жуткого холода.

О тех страшных годах батюшка рассказывал только самым близким: «Люди исчезали и пропадали. Расставаясь, мы не знали, увидимся ли потом. Мои драгоценные духовные друзья! Все прошло! Я долго плакал о них, о самых дорогих, потом слез не стало. Мог только внутренне кричать от боли... Ночью уводили по доносам, кругом неизвестность и темнота... Страх всех

---

⁷ Сведения о пребывании Н. А. Гурьянова на Украине взяты из книги: Зотова-Печерская Т. Жил на острове праведник. В книге приводятся материалы следственного дела из Архива КГБ Украины. Дело № 8, архивный № 11711-фп. ф. 263. оп. 1.

опутал, как липкая паутина, страх. Если бы не Господь, человеку невозможно вынести такое... Сколько духовенства умучено, архиереев истинных, которые знали, что такое крест, и шли на крест. Как они плакали, что все не сберегли царя! На моем пути жизни я имел благодатных друзей... Идешь по снегу, нельзя ни приостановиться, ни упасть... Дорожка такая узкая, ноги в колодках. Повсюду брошенные трупы заключенных лежали непогребенные до весны, потом рыли им всем одну могилу. Кто-то еще жив. «Хлеба, дайте хлеба...» – тянут руки». Батюшка протягивал ладонь, показывая, как это было, приоткрывал ее и говорил: «А хлеба-то нет!» Потом плакал и долго молчал, молился.

Еще говорил: «Бывало, весь день работаешь, работаешь на холоде, а хлеба дают (и показывают: делит одной ладонью другую пополам) за весь день. И все, знаете, хочется с птичками поделиться».

Он помнил всех умученных, помнил их страдания, молился за всех, показывал фотографии духовных друзей. И потому на всю жизнь в глазах старца застыла немая скорбь, даже когда он мирно разговаривал с паломниками, когда разрешал себя фотографировать, – его глаза были печальны.

Сам батюшка прошел в лагере через страшные страдания – несколько раз был на краю смерти. Однажды его придавило вагонеткой, в другой раз уронили на ноги тяжелый рельс и покалечили ступни. Приходилось, хоть ползком, а выходить на работу. «Я не ходил, а ползал, очень трудно было», – вспоминал батюшка. С тех пор, как говорил батюшка, ноги его едва держали. А сколько батюшка потом на этих больных ногах выстоял литургий, сколько принял людей, часами стоя у калитки своего домика! Самым страшным испытанием была пытка, подобная той, которую претерпели мученики Севастийские, – долгое стояние в ледяной воде. Эту пытку пережил только великий молитвенник – избранник Божий Николай, все остальные страдальцы скончались. Батюшка открыл духовным чадам, что его «согревала молитва Иисусова» и он не чувствовал холода. Он часто говорил: «Я холод люблю и не чувствую его». Батюшка всегда ходил легко одетый, в любой мороз, никогда не кутался⁸.

Не любил прилюдно батюшка рассказывать о лагерных испытаниях, потому что сердце разрывалось от воспоминаний о человеческих страданиях, в ответ на вопросы на эту тему говорил: «Не надо любопытствовать», или «Если я тебе буду рассказывать, у тебя сердце не выдержит». Но в стихах, написанных как реквием по умершим⁹, он выразил чувства многих лагерников – их муку тяжкую и молитвенный вопль. Стихотворение он назвал «В тридцатых годах XX века» и дал ему подзаголовок: «Автобиография».

К Тебе, о Мать Святая,
Я, бедный раб грехов,
Со скорбью и слезами
Пришел под Твой Покров.

...

Изгнали меня люди
Из России вон,
Оставил мать родную,
Друзей и Отчий дом.

---

⁸ Обо всех этих лишениях старец Николай рассказывал своей келейнице схимонахине Николае (Гроян).

⁹ Есть сведения, что отец Николай лично знал и любил поэтессу Анну Ахматову, недаром он включил в свое «Слово жизни» стихотворение Я. Смелякова на смерть Ахматовой. Вероятно, знал он и проникновенный ахматовский «Реквием» – плач по всем замученным на Русской Голгофе.

Я выслан в даль иную,
Там много лет отбыть —
Мне дали вольну ссылку:
Где хочешь можно быть.

Теперь всего лишен я,
Посаженный в тюрьму,
Досада, горе, голод,
Терпеть уж не могу.

Решетка, стены толсты —
Все надоело мне,
И день за днем жду воли,
Но не дожидаться мне.

Увы! Я вновь в изгнани,
В стране снегов и льда,
Где с людом обреченным
Покорный раб труда.

В Полярье путь железный
Готовим проложить,
Облегчить жизнь крещеным —
Страну обогатить.

Физически устали,
В зрях недуг слепит,
От скудости питанья
Нас смерть косою разит.

Прошу, Святая Дева,
В несении креста,
Для славы Божьей Церкви
Спаси, спаси меня!

Стихотворение это оказалось пророческим. Батюшка действительно стал «славой Божией Церкви»!

Однажды, когда одна из работниц Никольской церкви на острове¹⁰ спросила старца о лагерной жизни, он ответил: «А ты читала книгу “Отец Арсений?”» – «Читала». – «Вот это точно про меня написано». И так же, как герой этой особо оцененной верующим народом книги

---

¹⁰ Ныне схимонахиня Варсонофия (Тананаева) из Спасо-Елеазаровского монастыря.

(она выдержала около десяти переизданий), Николай Гурьянов в лагере для многих был утешителем, спасал души от гибели, проявляя прозорливость уже в то время. Старался сохранять бодрость духа, чтобы поддерживать других страдальцев.

В лагере, по словам старца, он был «всегда горячий в вере, что бы ни делали. В лагерях, в тюрьмах – всегда радовался, что с Богом». Батюшка говорил, что ему были открыты будущие военные испытания, которые, по словам многих подвижников, явились наказанием за отступление народа от Бога.

Многие паломники к старцу на остров вспоминают о том, что на стене его трапезной висела икона Страшный Суд и он часто говорил о том, как страшно попасть туда. Указывая на изображение ада, он призывал всех подвизаться, чтобы попасть в изображенные на иконе Небесные обители. Близким людям он говорил: «Это не какие-нибудь тебе сказки-салазки. Так оно и есть!» Именно в годы лагерных испытаний ему были открыты рай и ад, он был восхищен на Небо.

Военные годы, постриг в иночество, рукоположение во священника

Из лагеря будущий старец был освобожден 23 марта 1934 года, но еще на два года был оставлен на поселении¹¹. После полного освобождения в 1936 году Николай Алексеевич Гурьянов вернулся на родную землю. Было ему уже 26 лет. В Чудских Заходах его встретила мамушка, Екатерина Стефановна, которая молитвенно сострадала сыну все эти долгие годы. Николай жаждал продолжить учебу, как бывшему заключенному ему можно было устроиться только за 101-м километром от Ленинграда – он поехал в Малую Вишеру, а потом – в Гатчину (Красногвардейск)¹². Экстерном окончил Гатчинский педтехникум и плодоовощной Любанский техникум, по окончании которого в 1940 году поступил на первый курс Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского на биологический факультет на заочное обучение. В предвоенные годы он некоторое время работал по полученной специальности агронома, но из-за болезни ног это оказалось не по силам – несколько лет Николай Алексеевич работал учителем начальных классов в Тосненском районе, в деревне Чудской Бор.

Страшный 1937 год удалось пережить чудом, в это время некоторые родственники матери были арестованы, другие уехали из села (после раскулачивания, боясь преследований), она сама осталась в разграбленном доме.

Во время войны¹³, когда немцы непосредственно приблизились к деревне Чудской Бор, где преподавал Николай Алексеевич, он покинул ее и пешим ходом добрался до родных Чудских Заходов, откуда в начале 1942 года по льду Чудского озера перешел в Эстонию и добрался вместе с беженцами до Риги, а потом – до Вильнюса. Здесь произошла его встреча с будущим новомучеником – митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским). От него 8 февраля 1942 года батюшка принял рукоположение в диаконы, а вскоре, в том же месяце, – во священники, целибатом. Первые два месяца в священном сане отец Николай служил в Свято-Троицком Рижском монастыре, а в марте 1942 года вернулся в Вильнюс.

В Вильнюсе батюшка поступил на пастырско-богословские курсы, проживая в это время в Свято-Духовом монастыре. С этим временем связаны самые загадочные страницы его жития. Сохранилось несколько фотографий, на которых он запечатлен в монашеском облачении. Существуют разные объяснения этого факта в воспоминаниях насельников монастыря. Одни из них говорили о том, что он принял полный постриг в мантию, хотя на всех вышеназванных фотографиях батюшка запечатлен в рясе. По воспоминаниям других (главной свидетельницей тут является тогдашняя игуменья Марие-Магдалининского монастыря Нина (Баташева), рассказала она об этом пюхтицкой игуменье Варваре (Трофимовой)), монашеское облачение, приготовленное к постригу, сгорело во время бомбежки в том доме, где оно хранилось. И батюшка больше к постригу не стремился, считая это знаком того, что воли Божией на его пострижение нет. Но, по свидетельству пюхтицкой игуменьи Варвары и иерусалимской горненской игуменьи Георгии (Щукиной), был он священноиноком. Как бы то ни было, мы знаем одно – разным людям уже в конце жизни батюшка говорил: «Зовут меня Николай. Молитесь за митрофорного протоиерея Николая». И подписывался всегда так: «протоиерей Николай».

---

¹¹ Архивная справка МВД России № 18/3393 от 28.04.2009 получена Т. Зотовой. Освободили его по состоянию здоровья – из-за покалеченных ног.

¹² Точные биографические данные, касающиеся этого периода жизни и дальнейших событий в жизни старца Николая, установлены благодаря подвижническим трудам Л. Е. Азаркиной, которая на протяжении двух десятилетий собирает материалы к жизнеописанию протоиерея Николая Гурьянова. Материалы опубликованы в трехтомнике «Служитель Божий» в 2011–2019 гг.

¹³ В действующую армию Н. А. Гурьянов не попал из-за болезни ног. Эта же болезнь уберегла его от угона в Германию.

Пожалуй, не так уж и важно принял ли батюшка постриг от руки земного человека или не принял, ведь по духу он был всегда истинный монах, выполнял все монашеские обеты – целомудрия, нестяжания, послушания. И недаром свою священническую жизнь он начинал в двух монастырях, недаром потом по его молитвам были открыты многие обители, и у него окормлялись настоятели монастырей и многие монашествующие. Кроме того, батюшка нес еще и подвиг юродства Христа ради, а среди юродивых немного мы найдем монашествующих – это подвиг особенного чина.

В Вильнюсском Свято-Духовом мужском монастыре отец Николай был уставщиком и пел на клиросе. 16 июня 1943 года он получает назначение на приход Гегобросты Паневежского благочиния в Литве. Здесь ему суждено было прослужить 15 лет. Это глухое место спасло отца Николая от возможного третьего ареста: многие священники в Прибалтике были репрессированы после окончания войны.

Начало священнического служения в Литве

Прихожане первого прихода батюшки в Гегобростах оставили нам бесценные воспоминания. В них батюшка предстает перед нами как подлинно народный пастырь. В воспоминаниях ценны простые бытовые сценки: проломился пол в храме, надо делать ремонт, а прихожане – одни «платочки», мужчин нет. И вот батюшка идет в военную часть неподалеку в тот момент, когда солдаты на отдыхе, и говорит просто: «Ребятки, помогите мне». И эти, в основном неверующие, солдатики, и их начальство, которое по тем временам очень рисковало, помогают отцу Николаю в считанные часы отремонтировать пол в храме.

А вот привычные «сцены народной жизни» – гулянье на праздник, с вином, песнями и плясками. Отец Николай приходит на праздник – и все вокруг умиротворяется. Вместе с прихожанами отец Николай сажал деревья, участвуя в их простой деревенской жизни, сам много трудился на земле. Благословлял детей на учебу, юношей – на служение в армии, молодых – на брак, провожал в последний путь усопших. О старце Николае, каким он описан в воспоминаниях старых прихожан, можно сказать словами духовного стиха «Молитва пастыря»:

Когда с печалию сердечной
Молюсь о паствы я грехах
И перед Благостию Вечной
Стою с слезами на глазах,

Когда со страхом я взираю
На Тело Господа и Кровь —
Тогда молю и призываю
Христову к людям всем любовь:

Помяни «плодоносящих»
«Во святых Твоих церквах»
И людей «добротворящих»
Всюду, «в пропастях», «в горах»,

И «в пустынях», жарких, знойных,
И «вертепах» диких гор,
Где не слышно пташек вольных,
Где сверкает львиный взор...

В годы служения в Гегобростах к отцу Николаю ездил тогда семинарист, потом – молодой священник, а теперь – известный протоиерей Иоанн Миронов, настоятель храма в честь Божией Матери «Неупиваемая Чаша» при заводе АТИ в Санкт-Петербурге. В своих воспоминаниях он свидетельствует о подвижничестве и мудрости батюшки.

Никольский храм в Гегобростах

«В католическом и лютеранском окружении жилось, конечно, нелегко, но батюшка покрывал всех любовью. По воспоминаниям первых прихожан батюшки, он стал “пастырем добрым” не только для их прихода, но и для жителей всей округи на много километров во все концы света. Отец Николай старался как можно скорее побывать в каждой избе, святой водой окропить все жилища. Не раз ему приходилось брести по снежным зимним сугробам, бороться с ледяной выюгой. Он шел не только по своей деревне, но также старался побывать везде, где жили православные христиане. Ходил он по отдаленным уголкам Литовской земли, думая, как помочь несчастному больному, как облегчить скорбь на сердце у матери в разлуке с детьми. Каждого согрел в трудные часы добрым словом, умным советом: главное – надеяться на помощь Господа нашего Иисуса Христа, ходить в церковь, причащаться, делать добрые дела... Кто-то уходил на фронт – перекрестил, иконку в дорогу подарил; кому-то – жизнь семейную наладил, девице – мужа подарил... Новую семью создал... Немало заботился батюшка о беженцах. Сам не ел – детей голодных кормил, стариков не забывал, не одного в вечный путь проводил – никакой платы не брал.

Главное, за что любили, почитали и были благодарны отцу Николаю его первые прихожане, – “за привитую любовь к Богу”. Спустя три года со дня отъезда отца Николая из Литвы бывшие прихожане напишут ему: “Уважаемый отец Николай! Не только я, но и вся Литва скучает по Вам, ибо такого священника у нас нет и не будет. Вы только один так преданы Святой Церкви! Ваш бывший приход страдает...”

В Никольском храме в Гегобростах

В эти послевоенные годы, до того, как старец вышел на общероссийское служение, он уже проявлял дар прозорливости. Как вспоминала одна из его духовных чад, которую он венчал в Гегобростах в 1949 году, после совершения таинства отец Николай стал причитать: «Ой, какое горе! Боже, какое горе!» Никто не понял, что это значит. Но прошло время, родился ребенок, и когда младенцу было всего 4 месяца, его мать арестовали и дали ей 25 лет заключения. Ее мать, учительницу, выгнали с работы, мужа тоже вскоре уволили. На иждивении у них была еще старенькая бабушка. Все остались без средств к существованию. Вот оно – «какое горе»!¹⁴

Эта же женщина – Римма Александровна Орлова – замечательно описала, каким был отец Николай во время его служения на далеком литовском приходе, который называли пустынькой: «Отца Николая отличала необыкновенная приветливость, внутренняя доброта, которую редко встретишь в людях. Он обладал проникновенным голосом, служил в церкви истово. Красиво, именно красиво, вдохновенно, вовлекал людей в богослужение, он весь светился. Его образ жизни можно назвать действительно христианским: люди видели в нем пример беззаветного служения Господу. Верующие из разных мест присылали в Гегобростовский храм деньги, посылки, просили батюшкиных молитв»¹⁵. А сам батюшка часто говорил: «Служу для Иисуса, а не для хлеба куса» – и все эти приношения использовал на благо своей церкви и прихожан.

¹⁴ Служитель Божий: жизнеописание старца митрофорного протоиерея Николая Гурьянова. Кн. 1 / сост. Л. Е. Азаркина; под ред. монахини Рафаилы (Казанцевой). СПб.: Диалог, 2011. С. 219.

¹⁵ Служитель Божий. С. 215.

Учеба в духовных школах

Одновременно с приходским служением отец Николай продолжал учебу. В 1949 году он поступил на третий курс семинарии, а в 1951 году уже окончил заочное отделение Ленинградской духовной семинарии, два года после этого проучился в Духовной академии¹⁶. Знаменательно, что за годы обучения отец Николай написал два сочинения именно по пастырскому богословию: «Служение пастыря как проповедника Слова Божия в христианской жизни» и «Идеал пастырского служения по посланиям св. апостола Павла к Тимофею и Титу». Батюшка писал о том, что сам исполнял на деле.

Сохранились письма к отцу Николаю одного из преподавателей питерских духовных школ – С. А. Купрессова, датированные 1953–1959 годами. Эти письма свидетельствуют, что уже тогда духовно чуткие люди видели в священнике Николае Гурьянове незаурядного молитвенника и подвижника. «И мы, знающие Вас, заочника, одного из тех редких, которым всегда так хочется, так приятно оказать всякую посильную помощь... Жаль, что Вы не обещали прибыть к нам на эту сессию... Впрочем, формальная наша учеба – не главное для Вашей пастырской деятельности. Не всегда “пять” совпадает с пятерками служения. Главнее – Ваша ревность, чистая христианская любовь, верность житием, служение Богу и Церкви!.. Утешаю себя мысленно, что где-то в тихой глуши смиренного Вашего служения светится, не угасая, лампада – огонек искренней, кроткой молитвы за нас, за меня, недостойного. Уповаю на милость Божию ко всем нам! Очень прошу Вашего благословения и молитв...» В письмах к отцу Николаю С. А. Купрессов постоянно трогательно именуется его «друг души моей» и называет его украшением Церкви¹⁷.

На протяжении всей жизни старец относился к питерским духовным школам с любовью и благодарностью. Бывая в городе на Неве, он обязательно старался участвовать в богослужениях в академическом храме, сохранял связь со своими соучениками по семинарии.

Из немногочисленных сохранившихся документов, относящихся к раннему периоду служения отца Николая, особенно важна характеристика, подписанная архиепископом Виленским и Литовским Алексием, данная ему 15 октября 1958 года: «Это, без сомнения, незаурядный священник. Хотя приход его был малочислен и бедный (около 150 человек прихожан), но благоустроен так, что может быть показательным примером для многих...

В личной своей жизни – безукоризненного поведения. Это пастырь – подвижник и молитвенник. Целибат. Приходу отдавал всю свою душу, все свои силы, свои знания, все сердце – и за это всегда был любим не только своими прихожанами, но и всеми, кто лишь только ближе соприкасался с этим добрым пастырем».

О его высочайшем пастырском достоинстве свидетельствуют и церковные награды, полученные им в те годы: в 1952 году – золотой наперсный крест и сан протоиерея – в 1956 году по указу Святейшего Патриарха Алексия I.

Настает важный для отца Николая 1958 год.

«Боголюбивый Батюшка, о. Владимир! – пишет отец Николай неизвестному нам адресату. – Если о. Иоанн не тронулся из Залита, то пусть он с Богом сидит там зиму, а я себе буду сидеть у себя в Гегобростах до весенних теплых, светлых, долгих дней, вполне соответствующих моему переезду и переезду о. Иоанна. А если же отца Иоанна перевод и переезд неминуем и состоится этой осенью, то нужно нашу передвижку уложить, пока не совсем короткие дни и сухая погода. С любовью о Господе к Вам – о. Н.».

¹⁶ Обучение оставил по непонятным причинам. Вероятно, существовало давление со стороны властей, которые в это время начали очередное наступление на Церковь Христову.

¹⁷ Письма опубликованы в книге: Схимонахиня Николая (Гроян). Жемчужины духа. М., 2007. С. 403–404.

Перевод состоялся осенью. По указу владыки Иоанна (Разумова) от 21 октября 1958 года отец Николай назначен настоятелем храма святителя Николая на острове Залита Псковского района. Уже в день Покрова Пресвятой Богородицы отец Николай служит первую литургию. Здесь пройдут следующие сорок четыре года его жизни и пастырского служения. Здесь он станет тем, кем знаем мы его сегодня, – батюшкой Николаем, старцем с острова Залита...¹⁸

---

¹⁸ Текст характеристики владыки Алексия и письма старца к неизвестному лицу получены от псковского писателя И. А. Смолькина.

Переселение на Талабский остров

Итак, в 1958 году отец Николай покидает свою «прибалтийскую пустыньку», выполняя настойчивую просьбу своей матери, соскучившейся по родной псковской земле. По благословению печерского старца Симеона (Желнина) он переселяется на рыбачий остров Талабск посреди Псковского озера.

В жизнеописании старца не лишним будет рассказать об истории Талабского острова, на котором батюшка прожил почти полвека. Остров Залит, принадлежащий к группе Талабских островов, до 1919 года назывался Талабск (Талабским именовалось и само озеро Псковское). Название Талабск, вероятно, происходит от эстонского «талу», «тала», обозначающее двор в смысле отдельного крестьянского хозяйства. Можно думать, что когда-то на острове Талабске жили эсты. Вообще по берегам Псковского озера встречается немало селений с исконно эстонскими названиями, но переделанными в русские.

До революции Талабские острова имели еще одно название – Александровский Посад. Такое название селение получило в 1820 году в честь Государя Александра I, который оказал пособие после пожара, бывшего на острове в начале XIX века. Талабские острова до революции насчитывали 750 дворов и были известны на всю Псковскую губернию своими ярмарками. На острова перед новым годом съезжались купцы, крестьяне, работный люд из многих губерний. Население островов в это время увеличивалось в два-три раза. Везли все, что только пожелаешь. Несколько дней, а то и недель, шел оживленный торг. С прибылью оставались жители островов и прибрежных деревень.

Особой властью и почетом пользовались на островах как на Талабском, Верхнем, так и на среднем, Талабенце, жерники. Обычно это были опытные рыбаки, владельцы больших неводов и промысловых судов. Дома жерников, обшитые тесом и покрытые масляной краской, издали вещали о хозяйском достатке.

Талабчане занимались в основном рыбной ловлей. Пойманную рыбу отправляли в Петербург, Москву, Ригу, Варшаву. Талабский снеток сушили в специальных печах, которых насчитывалось до 119. Ежегодно продавали от 160 до 300 пудов рыбы. Только купцы да зажиточные островитяне располагались просторно и основательно: двухэтажные дома, магазины, различные мастерские возводились вдоль южной стороны острова, называемой Набережная. На Верхней улице селились менее состоятельные жители или просто бедные¹⁹.

Известны были всему Пскову и окрестностям крестные ходы, которые устраивались по воде в летнее время. К престольному празднику Верхнего острова – дню первоверховных апостолов Петра и Павла в Талабск приплывали иконы из Спасо-Елеазаровского монастыря, находящегося на берегу в семи верстах от Талабска. Вот как вспоминал об этом торжестве бытописатель прежних времен: «Крестный ход на лодках представляет живописную картину. Каждая лодка старается пристать к берегу; по несколько человек садятся на одно весло, которые нередко от большого усилия ломаются. В это время перегнать лодку на ходу считается делом приятным. Празднество продолжается не менее трех дней»²⁰.

И во время поселения на острове старца Николая обычай водных крестных ходов сохранился, только совершались они не от Спасо-Елеазаровского монастыря, который в годы советской власти был закрыт²¹, а от Пскова.

В 1792 году был построен каменный храм. Он строился по традиции из известняковой псковской плиты. В храме до сегодняшнего дня сохранились фрески письма неизвестного автора. Престола в церкви два: во имя святителя и чудотворца Николая и во имя Смоленской иконы Божией Матери.

В 1842 году был сооружен ныне действующий придел в честь чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии Смоленской, в память чудесного избавления от эпидемии холеры, охватившей жителей посада. Некий прихожанин храма святителя Николая увидел во сне Смоленскую икону Божией Матери и услышал: «Обнесите Меня с крестным ходом вокруг всего посада, и тогда холера прекратится». В сонном видении этому человеку было открыто место, где до той поры хранилась сия святая икона, а именно – на чердаке одного из посадских домов. Все было сделано по слову Божией Матери – и эпидемия прекратилась.

В 1854 году выстроена каменная часовня в честь святителя Николая в память чуда от образа святого, бывшего во время пожара 6 июля 1853 года. Часовенка воздвигнута была для «неугасимого горения елея». На кладбище в 1888 году возведена вторая часовня, по местному преданию – в честь Анастасии Римляныни. Церковь на острове несколько раз страдала от пожара, но всякий раз бережно восстанавливалась на средства и стараниями местных жителей.

---

¹⁹ Сведения взяты из книги: Напоминаю вам...: протоиерей Николай Гурьянов / сост. иеромонах Паисий. Москва: Отчий дом, 2000.

²⁰ Святые и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 337.

²¹ Монастырь был вновь открыт при жизни старца по его молитвам.

О том, что жители острова не были оторваны от судеб всей страны, свидетельствовала надпись, сделанная на самом большом колоколе: «Вылит сей колокол 31 мая 1893 года в царствование Императора Александра III, в память избавления Его Императорского Высочества, наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича от угрожавшей ему опасности в г. Отсу, в Японии (в 1891 году 29 апреля ст. ст.) при Преосвященнейшем епископе Гермогене, местном священнике Иоанне Орлове и церковном старосте Иоанне Бахереве»²². Старец Николай Гурьянов, придя на остров, продолжил традицию почитания Царской семьи, Государя-мученика Николая.

До революции при Никольской церкви на Талабском острове существовали две школы: церковно-приходская – с 1891 года и министерская двухклассная, открытая в 1898 году. В Никольском приходе накануне революции состояли 1271 мужчина и 1371 женщина. В 1939 году храм после сильного разорения был закрыт. Уничтожено все убранство, куда были вывезены иконы – неизвестно. В 1947 году храм был вновь открыт для богослужений, но только в Смоленском приделе.

---

²² Святые и древности Псковского уезда по дореволюционным источникам. Псков, 2006. С. 380.

Первые годы подвижничества посреди Псковского озера

С первых дней служения на острове старец Николай стал благоукрашать свой храм: провел основательный ремонт, обновил убранство храма и алтаря, украсил его новыми иконами. Особым подвигом старца было озеленение острова. Во время Великой Отечественной войны вся растительность на острове была уничтожена – ни кустика, ни дерева нельзя было увидеть на всю округу. Старец Николай издалека – из Киева, из Вильнюса, Почаева, Пюхтиц – собирал растения (семена, корни и рассаду кустов, деревьев и цветов) и сажал на острове. На острове не было водопровода – для поливки нужно было таскать в день по 100–200 ведер воды из озера. Воду батюшка носил на коромысле, стирал плечи до крови, заботясь о красоте своего острова. От берега озера до кладбища, где батюшка посадил особенно много деревьев, расстояние немаленькое. А ведь у него после лагеря были больные ноги, и уже тогда он ходил с палочкой!

Зато, когда его труды стали приносить плоды – и все вокруг зазеленело, сколько было радости! Как писал старец в одном из писем своей духовной дочери, пюхтицкой игумении Варваре: «Не будет лишним сказать и о некоторых цветочках, как о примулах, сенполии и кампануле, до сих пор обильно цветущих на окнах в хате. Все это меня радует и за все слезно благодарю милосердие Божие. На кладбище теперь у меня лес, и домик утонул в зелени. Со своего сада насушил компоту и наварил варенья».

Надо сказать, что батюшка особенно почитал западный удел Божией Матери – Свято-Успенский Пюхтицкий женский монастырь на эстонской земле. Пока он был в силе, ездил в монастырь ежегодно, по его совету и благословению устраивалась и внешняя (стройка, хозяйство), и внутренняя жизнь обители.

Не забывал батюшка и свое первое монашеское пристанище – Свято-Духов монастырь в Вильнюсе. Туда он также старался приезжать.

Много трудился отец Николай для возвращения былого благолепия храма на острове: подновлял киоты на иконах, ризы, полностью провел ремонт с обновлением кровли, привел в порядок могилки на островном кладбище и ворота перед ним.

Итак, жил батюшка на острове не как затворник, он не только положил великие труды для того, чтобы озеленить выжженную во время войны землю, отремонтировать храм, но главное – трудился над тем, чтобы привести ко Христу души местных жителей.

Народ на острове глубоко чтит отца Николая. Не только церковные люди, но даже падшие души тянулись к нему, чувствуя тепло его сердца, его милосердие и заботу. В свою очередь батюшка с уважением отзывался о рыбаках: «Труженики наши люди. Да, рыбаки трудятся: любая погода, ненастье, а они все... а волны, в особенности летом, бури, – они все это несут, и творят доброе дело тем, что рыбку добывают. А мы молимся и просим, чтобы Господь помог миру от недугов и от военных действий. Сохрани, Господи».

В нескольких изданных после кончины старца Николая книгах опубликованы многочисленные воспоминания жителей острова о старце. И почти в каждом рассказе мы встречаем свидетельства о чудотворениях. Старец Николай был «скорой помощью» для жителей острова: с любыми болезнями, при несчастных случаях, в трудных житейских обстоятельствах люди бежали к старцу и уходили утешенными, исцеленными, наставленными на добрый путь. Само его присутствие на острове преображало все вокруг: «Батюшка не говорил ничего особенного, что мол вы этого не кушайте, этого не пейте, этого не делайте... Но он давал основу, с чего начинать. А начинать надо было с любви к Богу».

Многочисленны и свидетельства о прозорливости старца, – от него невозможно было скрыть недобрые мысли или поступки, тут батюшка проявлял строгость и даже наказывал провинившихся. Не раз на панихидах и молитвах, когда бабушки ошибались при написании поминальных записок, батюшка мог остановиться и сказать: «Что вы меня вводите в заблуждение, этого надо на молебен записать, он жив еще. А вот этот некрещеный – за него нельзя подавать!»

И в целом от всех воспоминаний островитян создается впечатление о связанной единством жизни и молитвы христианской большой семье: батюшка каждого жителя острова от детей до стариков знал по имени и относился ко всем как к родным. На вопрос его прихожан: «Как спастись?» – батюшка кратко отвечал: «Не мудрите!» Однако и среди простых душ островитян нашлась одна, через которую действовал враг рода человеческого, желая погубить угодника Божия.

Новые гонения

В 1960-е годы, во время хрущевской «оттепели» и усилившегося гонения на храмы, одна местная жительница поддалась желанию соблазнить отца Николая: он в это время был еще нестарым и красивым. Она притворилась больной и попросила прийти ее исповедовать и причастить – батюшка, разгадав ее замысел, быстро покинул ее дом. Дальнейшие ее действия – явно сатанинские: она сорвала со стены висевший портрет Ленина, скомкала его, бросила под кровать и побежала в сельсовет жаловаться: был у нее священник, сказал, что в доме, где иконы, не должно быть идола, сорвал портрет Ленина со стены и стал его рвать. Дело дошло до Псковского райкома, был назначен суд (без вызова обвиняемого), батюшке опять грозил срок. И тут Бог явил чудо через другую жительницу острова. Она была уважаемым человеком – заведующей местного клуба, при этом бесстрашным человеком. Раба Божия Анна – Царствие ей Небесное! – написала в защиту отца Николая письмо с опровержением клеветы, собрала подписи у многих жителей и в распутицу, с опасностью утонуть в озере, добралась до Пскова, минуя дежурного, ворвалась в кабинет райкома – найтием – именно в тот, где шло заседание, – и бросила на стол письмо. Да еще и сказала: «Это клевета. И если такого честного человека засудят, то я выхожу из комсомола» – и, развернувшись, вышла из кабинета. Такими смелыми действиями она спасла батюшку: дело закончилось оправданием оклеветанного праведника.

Но это прибавило ему очередную болезнь: от переживаний заболел желудок, была сделана операция, после чего пришлось ехать в санаторий в Сочи. Сохранились фотографии, которые свидетельствуют, что и там батюшка вел себя как исповедник – он ходил в рясе. В то время это было чревато насмешками и издевательствами. Но послужило к вящей славе Божией. В санатории батюшка встретился с премьер-министром Косыгиным, имел с ним беседу. Известно, что Алексей Николаевич Косыгин был воспитан верующими родителями и много сделал доброго для Церкви.

Батюшка умел разговаривать с людьми так, что трогал души даже недоброжелателей. Бедная доносчица была осуждена народом. Когда она пришла на рыбацкий праздник с пустой миской (по древнему обычаю, рыбаки кладут в эти миски рыбу вдовам и одиноким), один рыбак плюнул в ее миску, выхватил ее из рук и бросил в озеро. Товарищи, стоявшие рядом, отвернулись. Но батюшка простил ее, говоря: «Ну что, покаяться?» – а близким открывал свои смиренные мысли: «А мне ведь так и надо – искушение пройти».

Отца Николая не сразу оставили в покое после доноса. Однажды на остров приехали представители псковской власти, разговаривали очень резко, грубо, запугивали и пообещали на следующий день вернуться за ним. Батюшка разволновался и всю ночь простоял на сугубой молитве. Наутро на озере поднялась страшная буря, которая не утихала в течение трех дней. Талабск стал недоступен. После того как буря стихла, об отце Николае как-то забыли и больше не трогали. За ту ночь молитвы батюшка поседел, а близкому чаду сказал: «Чтобы я вторично не сел, мамушка моя пожертвовала собою». Екатерина Стефановна вскоре сильно заболела.

В те годы священников отстранили от власти в Церкви, управление перешло в руки выборной «двадцатки» и старосты. Батюшка Николай говорил: «Как бы там они нас ни отстраняли, а за благолепие храма отвечаем мы».

Все радости и горести жизни на острове с батюшкой делила его мамушка Екатерина Стефановна. Она создала уют и содержала в чистоте маленький домик, где они вдвоем поселились, и участвовала не только в повседневных житейских заботах прихода, но была и сомолитвенницей своего сына-старца. Матушка Екатерина отошла ко Господу 19 мая 1970 года.

Отец Николай с мамой Екатериной Стефановной (крайняя справа) и прихожанками

В 1971 году батюшку Николая чуть было не перевели на служение в Псков в Свято-Троицкий кафедральный собор. Об этом свидетельствуют два сохранившихся письма: отца Николая к управляющему Псковской епархией, архиепископу Иоанну (Разумову), и обратный ответ владыки. Оба эти письма ярко свидетельствуют о любви жителей острова к своему пастырю.

Высокопреосвященнейший Владыка Иоанн!

Мое недостойнство к Вашему Высокопреосвященству обращается хотя и с обычным недоразумением, но не без боли в сердце. А именно: наш достоуважаемый церковный староста Л. под предлогом болезни 26 сего месяца отказалась работать в церкви. Все полномочия и обязанности Председателя церковного совета с себя сложила, другого же кандидата на ее место у нас пока не предвидится: все добрые людчики побаиваются, как бы не потерять трудовой пенсии.

Как быть и как выйти из создавшегося положения? Без милости Божией и мудрости Вашего Высокопреосвященства, как видно, нам не обойтись. И моя просьба от лица всех болельщиков о благе Церковном к Вам, пожалуйста, подскажите нашей церковной общине, через помощника старосты Николая Андреевича, благодатный святительский совет об избрании достойного старосты.

Коленопреклоненно испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и прощения за беспокойство, недостойный послушник и богомолец Вашего Высокопреосвященства,

*прот. Гурьянов о. Н.
28 декабря 1971 года*

Ваше Высокоблагословение,
достопочтеннейший и глубоко всеми почитаемый,
дорогой батюшка, отец Николай!

Осмелюсь уведомить Вас, что помощник Вашей церкви вручил мне сегодня пакет Вашего Высокоблагословения.

Ваше письмо наполнено до верхов скорбями, заботами, недоумениями и суетливыми раздумьями. Прочитав его, я был очень озабочен ввиду того, как Вы пишете, что у Вас нет людей, кто бы мог встать на дело церковного старосты, и меня тут осенила мысль: для пользы дела Церкви Вас переместить на служение в наш Свято-Троицкий кафедральный собор, а на Ваше место к Святителю Николаю Залитскому, даровать это место давно уже просящемуся о. Алексею М., матушка которого восполнит место церковного старосты и сразу все Ваши недоумения разрешатся для Вас в очень положительную сторону!

Но к моему великому огорчению, я должен Вам об этом сообщить, что у Вас очень хороший помощник церковного старосты. Он заявил, что залитяне никуда не отпустят ни на один шаг Вас от себя и не расстанутся с Вами никогда...

Дорогой батюшка, отец Николай! Ведь до беды далеко, и Вы посоветуйте своим членам церковного совета с этим вопросом не торопиться: болеют не все к смерти, а некоторые к жизни вечной... На первую декаду 1972 г. поручаю временно управлять делами церковного старосты сему мужу Николаю Андреевичу, а за это время Вам сам Святитель Николай поможет выйти из этого затруднения. Он пошлет хорошего, доброго человека, который и возьмет, по Вашему благословию и народному избранию, звание и тяготы, заботу и работу по должности церковного старосты!

Вашу богомудрую пастырскую разумность я вручаю под омофор Святителю Николаю и от всей души желаю Вам новогодние праздники и Рождество Христово встретить в мирном благодушии и благоденствии, и чтобы Ваше вечно трепещущее сердечко, вместе со светлыми ликами небесных ангелов, встретило грядущего Спасителя мира, нас ради человечества и нашего ради спасения, на нашу грешную землю пришедшего, чтобы воспринять и наше человеческое, хотя и убогое, но усердное пение: «Слава в Вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение!»²³

Спаси Вас Господи за Вашу любовь к нашей Родине, Отечеству нашему, за Вашу преданность и верность Русской Православной Церкви, которую Вы не словами, а добрыми делами подтверждаете каждый год. За Ваши понесенные труды и Вашу неустанную заботу об изыскании денежных средств, принесенные на алтарь Родины, от лица Русской Православной Церкви и всего нашего доброго народа выражаю Вам нашу архипастырскую благодарность, пребывая к Вашей почитаемой Святыне с глубоким уважением и братской о Христе любовью, просяще взаимных святых молитв, Ваш постоянный богомолец,

Иоанн, архиепископ Псковский

28 декабря 1971 г.²⁴

---

²³ См. Лк. 2, 14.

²⁴ *Изборцев, И.* «В руце Твои, Господи»: о тех, кто всегда идет впереди нас. Издание Единецко-Бричанской епархии, 2006. С. 49–51.

Островная семья старца Николая

Собранные в книге «Жил на острове подвижник»²⁵ и в объемном трехтомном труде «Служитель Божий»²⁶ многочисленные рассказы островных жителей свидетельствуют, что отец Николай «был на острове естественной его частью. Его присутствие ощущали всегда». Несколько поколений островитян батюшка крестил, венчал и напутствовал в жизнь вечную. «Мы быстро привыкли к батюшке как к родному, – вспоминает одна из талабских жительниц. – Батюшка принимал всех сердечно, хотя мог и юродствовать при этом, подшучивать. Но его шутки надо было понимать. Вскоре здесь осознали, что он за человек»²⁷. Другая островитянка передает любопытные подробности, касающиеся отношения к батюшке его «островной родни»: «Со временем на острове все стали замечать, что если отец Николай попадетя тебе на дороге, а лучше даже ее перейдет, то все у тебя после этого будет удачно: и рыбку хорошо продашь, и дела успешно завершатся, и домой благополучно вернешься... Батюшка был очень добрый и людей жалел... Отец Николай всех островских понимал, так как изнутри хорошо знал нашу жизнь»²⁸.

Отец Николай на острове опекал не только церковных людей, но сохранял дружеские отношения и с простыми рыбаками, и с медиками, и с педагогами, и с местными властями острова. И так невольно происходило воспитание всех и вся: батюшка воспитывал не наставлениями, а всем своим обликом, своим стоянием перед Господом.

Особо трогательные воспоминания о старце Николае оставили островитяне, которым Бог даровал под покровом молитв старца провести свои детские годы. В 1990-е годы – благодатное время для возрождения веры – батюшке разрешили преподавать в местной школе Закон Божий. Все дети острова, как только видели батюшку, сразу же толпились вокруг него: каждого он одаривал гостинцами, гладил по головке, называл по имени. А они говорили о нем: «Боженька идет...» А одной из съёмочных групп на вопрос: «Дети, каких святых вы знаете?» Дети хором ответили: «Святителя Николая, батюшку отца Николая»²⁹.

Первого сентября батюшка служил в школе молебен, кропил детей святой водой, дарил иконочки в благословение. Многие дети по его разрешению с цветника у батюшкиного домика срывали цветы для того, чтобы в «День знаний» отнести учителям. А в день рождения батюшки дети, наоборот, сами дарили старцу букет цветов и подарочки.

Почти полвека – с 1958 по 2002 год – прожили с батюшкой талабчане, но, когда на остров поехали многочисленные паломники, они как бы отошли на второй план, тем более ценны воспоминания о первых десятилетиях жизни старца на острове. Это был воистину «остров Божественной любви и единения человеческих душ». «Мы были тогда молодые, – вспоминает о первых годах батюшки на острове его жительница³⁰, – а родители наши жили при царе и были очень верующие. И жили мы так, как учили родители: ходить в церковь, почитать старших, почитать отца и мать. Моя родительница никогда не давала мне надеть новое платье на улицу: “Куда ты надела? Ты еще в церкви в нем не была”. А если приведет в церковь, то уже до конца чтобы я стояла, а если покрутишься и уйдешь – придешь домой – тебе за это расчет...»

---

²⁵ Жил на острове подвижник / сост. Е. А. Смирнова. М.: Паломник, 2009.

²⁶ Служитель Божий / сост. Л. Е. Азаркина. Кн. 1. СПб.: Диалог, 2011. Кн. 2: в 2 томах. Псков, 2019.

²⁷ Писарева В. А. // Жил на острове подвижник. С. 261–262.

²⁸ Носкова В. Н. Там же. С. 250–251.

²⁹ Жил на острове подвижник. С. 317.

³⁰ Воспоминания А. Т. Матаевой // Служитель Божий. СПб, 2011. С. 383–385.

Мы если печем пироги – надо пирог нести батюшке, копаем картошку – надо лучшую нести батюшке. Держим корову, – знаем, что когда поста нет и можно пить молоко, есть сметану – несли батюшке. Это все население так.

Верующих много было, несмотря ни на что. Люди наши пережили много трудностей, поэтому сочувствовали и соболезновали друг другу – куском хлеба делились и пьянки такой не было. Батюшка очень не любил пьяниц, но, если увидит, никогда не оскорбит. Раньше люди были простые... НЕ кто ты, а какой ты.

Вот дерева на кладбище посадил батюшка. Соберет ребят, возрастом 7–10 лет: «Берите с дома чайники, идите, деревья надо поливать, на каждое дерево столько-то воды надо». Полный край ребяташек, и все помогают. Батюшка с ведрами, а ребята с чайниками. Поливают деревья! Колонок не было, воду носили с озера.

Батюшка давал всем душевный подъем. Не печалились, работали. Идешь, бывало, мимо батюшки, задумаешься, забудешь, что он стоит, – и мимо... А он: “Что рассердилась, обиделась? Иди сюда, ну, какие у тебя дела?” Благословит и иерусалимским маслицем помажет. И вся печаль как-то рассеивается, и ноги как будто сами идут...»

Отец Николай был для островных жителей не только «добрым пастырем» – у него было материнское сердце, он жалел рыбаков и рыбачек, которые добывали хлеб насущный тяжелым трудом и иногда даже приходил в дома с предложением понянчиться с детьми, чтобы родители быстрее управились с уловом и могли отдохнуть немного. Батюшка побывал на острове в каждом доме, в каждом огороде, в каждом саду, да и сады эти и огороды были посажены батюшкиным рачением и добрым примером. Все им на острове было освящено: и люди, и земля.

Не забывал он в это время и о своей псковской родине: каждый день приходил на берег Псковского озера на северную сторону и благословлял через озеро на другом берегу родную Гдовщину. А потом благословлял с острова все четыре стороны света.

В первые десятилетия жизни на острове и до преклонного возраста батюшка служил в Никольском храме и привлекал к службе островитян. Они вспоминают, что он не делал заме-

чаний: когда на клиросе что-нибудь неправильно споют, он, наоборот, старался поддержать и говорил: «Как хорошо вы поете!» Так он поднимал людям духовное настроение. И они не печалились, что что-то не получилось, а радовались и старались петь лучше.

О богослужении, совершаемом батюшкой Николаем, редкие в то время паломники говорили: «На этих службах все мы плакали – настолько было благодатно».

«Богослужение отца Николая было особенное – поистине небесное, словно в его храме была частичка рая. Литургия всегда быстро шла, на одном дыхании. Всегда хотелось, чтобы она никогда не кончалась, а продолжалась как можно дольше, – настолько благолепной, настолько молитвенной была служба батюшки»³¹.

Драгоценны воспоминания бывшего главы Залитской волости А. Г. Полетаева – старец его привел к вере. А пришел он в храм по очередному доносу на председателя сельсовета с обвинением в том, что батюшка Николай крестил ее дочку. Батюшка завел раба Божия Александра в алтарь и научил его креститься. И вскоре этот человек произнес одни из самых проникновенных слов о старце: «Когда батюшка шел по улице, даже когда ветра не было, он просто летел, летел! Солнца нет, но одна его улыбка – и на душе становится светло! Он такой жизнерадостный, такой добрый, людей уважал, каждого из нас он давно знал: и наше настоящее, и наше будущее. А некоторым многое приоткрывал...»

Батюшка переживал за Россию. Он всегда говорил: «Живите в России! Служите России!»³²

Одна из жительниц острова просто и емко выразила чувства всей «островной семьи» старца Николая: «...Если вдуматься в свою жизнь и коснуться всего того, что происходило с нами в течение почти полувека, которые батюшка жил на острове, то понятно становится – мы живем и здравствуем не только телесно, но и духовно батюшкиными молитвами. Многие из нас и наших детей избежали каких-то бед и несчастий и остались в живых только благодаря его помощи. Потому что у всех нас жизнь была связана с его жизнью и его служением в церкви. Некоторые говорят, мол, батюшка помогал только приезжим, – это неправда. Никто не знает, как батюшка молился за нас! Очень сильно, очень сильно молился за нас, и очень сильно помогал!»³³

Еще одно свидетельство передает чувства очень многих людей, соприкасавшихся с духом старца Николая: «Наши встречи с батюшкой, обращение с нами – это русло невидимое. Он молится – и изменяется наша жизнь, меняемся мы сами. Мы это чувствуем, на это откликается сердце и душа. Только одно желание – чтобы он нас ни на мгновение не оставлял в своих молитвах.

Благодарение Богу за это! Батюшка – это что-то бесконечно радостное, доброе, заботливое, все отдающее, все прощающее, все понимающее. Он настолько близок Богу! Господь чрез него пронизывает светом, благодатью, которая льется, льется и льется в твою душу...»³⁴

В семидесятые годы устанавливались духовные связи отца Николая со многими священниками, монахами и мирянами. Батюшка был духовником псковского духовенства, ездил в Пюхтицы к своим духовным чадам, бывал в Ленинграде. Был в духовном общении со старцем Иоанном (Крестьянкиным), блаженной Любушкой, блаженной Марьей Ивановной.

Пюхтицкая игуменья Варвара в своих воспоминаниях о старце рассказывает о знаменательной стороне его юродства, которая раскрывает сокровенное, – на попечении у старца были многие обители и храмы, благословляя их настоятелей, он брал на себя особый духовный

---

³¹ Жил на острове подвижник. С. 202.

³² Служитель Божий. Кн. 2. Ч. 2. Псков, 2019. С. 163–164.

³³ Служитель Божий. Кн. 1. СПб., 2011. С. 460.

³⁴ Служитель Божий. Кн. 2. Ч. 1. Псков, 2019. С. 177.

подвиг³⁵. Любовь притягивает к себе людей. Вскоре на остров стали приезжать со всей страны – отца Николая начали почитать как старца. «Об отце Николае точнее не скажешь: “Не может укрыться светильник под спудом!” Не хотел он этой славы от людей, но Господь не оставил его сокровенным...» – свидетельствует протоиерей Иоанн Миронов.

---

³⁵ Подробный рассказ об этом случае в главке о юродстве старца.

Благодати старчества наследник

Уже в первые «талабские годы» стали проявляться благодатные дарования протоиерея Николая Гурьянова, которые свидетельствовали о том, что он обрел благодать старчества: он исцелял душевные и физические недуги; он прозорливо напоминал людям о событиях их прошлой жизни и осторожно подготавливал к будущему; он называл по имени, ни разу не видев человека до этого; описывал обстоятельства его жизни; он давал жизненно важные советы, которые при их исполнении меняли, казались бы, безвыходные обстоятельства жизни. Как сказал один из паломников: «Настолько дар рассуждения, дар духовидения у батюшки велик, что он сразу начинает говорить по существу, не надо никаких подробностей. И советы оказываются такими простыми, что даже удивительно, как сам до этого не додумался. Мы пытаемся по сложному пути идти, а мудрость – в простоте...».

К последним словам можно прибавить то, что не всякому был доступен часто иносказательный, символический язык старца. Зато те, кто старался очистить и смирить свое сердце, при встрече с батюшкой не нуждались даже и в словах, они вели с ним «молчаливый разговор». «Не нужно было много слов, – пишет один из паломников. – И батюшка много не говорил. Он просто сидел, как добрый дедушка, и излучал благодатный свет. От этого света согревались и растапливались самые заледенелые души»³⁶.

Паломники, которые приезжали к старцу в те годы, имели редкую возможность присутствовать за его богослужением³⁷, исповедоваться у него, слушать его поучения, а часто и оказывались его гостями в незабвенном маленьком домике напротив островного кладбища. Один из тех счастливых немногочисленных паломников первых лет вспоминал: «Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

Старец обильно делился в те годы своей благодатью с приезжавшими к нему людьми – таково традиционное толкование: если старец угощает чем-то из своих рук – это значит, что он благодатью делится. Благодатными дарами утешения и рассудительности старец делился не только очно, но и заочно – через письма. Нам посчастливилось получить для публикации некоторые из них, написанные старцем в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Будто бы простые слова пишет батюшка, а какой силой и непреходящей правдой жизни от них веет³⁸.

Старец любил труд, не давал даже для него воды принести в дом. Все делал сам до глубокой старости. Многих людей подвигал к трудолюбию, а также к любви ко всему живому. В письмах он называл кусты и деревья «зеленые друзья» или даже писал так в начале весны: «Движемся по хозяйству. Зеленеет». Старался обратить внимание людей на безгрешную жизнь растений. Один священник рассказывал: «Батюшка Николай предложил мне взять с собой банку из-под консервов из его кельи и посадить в ней цветочек. Я возразил: “А зачем мне цветочек?” – и, естественно, брать банку не стал, о чем теперь сожалею».

Такое же трепетное отношение было у старца и к птицам – у своего домика во дворе он устроил «столовую для пернатых». «С первой половины ноября птичья столовая аккуратно работает. Большие обслуживаются с полдесятого утра, малые же воробушки с трех часов дня. Всех посетителей бывает ежедневно больше трехсот. Корму большой запас, хватит до тепла. Все это меня радует, и за все благодарю Бога», – писал старец в одном из писем. Старец Николай благословлял обращавшихся к нему людей кормить птичек за упокой души своих близких

---

³⁶ Иеромонах Вениамин // Жил на острове подвижник. С. 122.

³⁷ Все священнодействие батюшка наполнял духовной глубиной, молитвы произносил четко, ясно. Об этом свидетельствуют сохранившиеся записи его чтения акафиста Божией Матери. На исповеди батюшка был немногословен, а проповеди читал по книжке.

³⁸ Письма старца опубликованы в части III этой книги.

и во очищение своих грехов – ибо «блажен, кто тварь милует». Голуби на острове сначала жили на колокольне храма, потом, когда батюшка по здоровью ушел за штат, голуби переселились во дворик его дома, теперь они обитают на кладбище вокруг дорогой могилки старца...

У батюшки в домике всегда жили котики, он с ними разговаривал, как с разумными существами. Одному паломнику на его недоуменный вопрос однажды сказал, показывая на кота: «Это даже Липуня понимает». На улице не пропускал ни одну собаку, чтобы не приветить. Однажды паломники были свидетелями такой сцены: во время их беседы мимо домика проходила местная жительница с маленькой собачкой на руках, батюшка подозвал ее: «Дай, я ее поглажу». Потрепал по шерстке маленького друга и отпустил. Все живое для батюшки, действительно, было другом. Казалось, он понимает язык всего Божиего создания. Однажды он сказал: «Не только дерево, но даже камень не обижайте!»

Батюшкино «милование» или жалость распространялись даже на насекомых. Не от одного человека мы слышали о том, что он жалел даже мух и комаров. «Старец сидел на стуле, низко склонив голову на руки. Стали пить чай. На столе стоял самовар, в вазочке – шоколадные конфеты. Над столом, назойливо жужжа, вилась муха и постоянно норовила сесть на конфеты. Батюшка Николай пальцем погрозил ей. “Здесь тебе нельзя!” – отломил кусочек конфеты и положил в сторонке на столе: “Вот, здесь кушай”. Он осторожно посадил муху на отломленный кусочек. Муха послушно поела и улетела. Любовь отец Николай понимал в самом широком смысле», – пишет протоиерей Борис Николаев. О подобном же случае рассказывает протоиерей Валериан Кречетов: «Муха летала по комнатке, он на муху смотрел, и я про себя подумал: “Шлепнуть, что ли, ее?” – а он мне: “Может, ей медку дать?”» В одном из писем старца есть такие замечательные слова: «Боже, сколько в мире красивого. Природа, природа, ты для нас дорога в Невечерний день».

Из писем мы узнаём, что уже в это время – в начале 1970-х – батюшку начали одолевать телесные немощи. А ведь впереди был еще почти тридцатилетний крестный путь – когда к нему на остров поехали толпы, и он, невзирая на все усиливающиеся недуги и «патриарший возраст», не отказывал людям в приеме, доходя до полного изнеможения.

Как написал духовный сын старца иеромонах Нестор (Кумыш): «Никто доподлинно не знает, какие подвиги нес отец Николай на острове. Он скрывал это от всех, близко никого к себе не подпускал и сам за собой ухаживал, за исключением последних десяти лет, когда уже не мог этого делать. В последнее время ему очень трудно было переносить свою немощь. Видя, как старцу не только тяжело говорить, но даже сидеть, как при этом он напрягает свои последние силы, я как-то участливо сказал ему: “Батюшка, вам бы полежать”. Отец Николай, не поднимая опущенной головы, ответил: “Лежат только лентяи”. В другой раз на такое же сочувственное предложение отдохнуть он заметил: “Отдыхать – это грех”».

Столп старчества. Всеправославное служение

Старцы – это «детоводители ко Христу», это те, чьи молитвы слышит Бог, кому открыта воля Божия. И самое удивительное, что дух истинного старчества – смиренный, незлобивый и простой – во все времена ощущается верующими людьми как «благоухание духовное», исходящее от человека. Народ тянется к такому человеку, окружает его плотным кольцом, стремится если не побеседовать, то хотя бы благословение получить от такого батюшки – и так, без слов даже, получить утешение.

«Не скрывается светильник под спудом» – суждено было батюшке уже на закате дней, который растянулся более чем на десятилетие, выйти на всенародное служение. До 1980-х годов о батюшке знал только достаточно узкий круг людей, ездили к нему в основном священнослужители, монашествующие и глубоко воцерковленные миряне.

Но Господь хочет всем спастись и в разум истины прийти (см. 1 Тим. 2, 4) – и людям малоцерковным или только ищущим «дорогу к храму» для этого нужен образец, источник незамутненный, нужен чистый призыв от чистого сердца. Таким для десятков тысяч наших соотечественников стал старец Николай Гурьянов.

Произошло это на исходе 1980-х годов, когда обстановка в стране стала меняться. После юбилея 1000-летия Крещения Руси стали проникать на страницы периодических изданий и на экран телевизора (увы, главного воспитателя народа) сюжеты на религиозные темы. Настоящим потрясением для миллионов телезрителей стал документальный фильм «Храм», вышедший в прокат в 1988 году. Фильм был посвящен жизни Русской Православной Церкви, на экране на несколько минут перед потрясенными зрителями впервые появился старец Николай. Батюшка ничего особенного не говорил в том фильме, он просто смотрел на нас своими небесно-голубыми глазами – и этот взгляд пробуждал душу от греховного сна, а потом он так трогательно, прямо в камеру обращаясь, показал на самовар и, протягивая стакан, как бы всем телезрителям сказал: «Выпейте-ка чайку!» Это теперь уже стало понятно, что батюшка таким образом призывал людей разделить с ним «духовную трапезу», показал, что он готов поделиться благодатью со всяким, кто придет к нему.

Но в то время подобные формулировки не возникали, а люди просто почувствовали сердцем, что среди них живет святой, и еще почувствовали (даже через телефильм это передалось многим), что батюшка – это сама Любовь, что он обильно изливает любовь на всех и каждого. И после этого «алчущие и жаждущие правды» стали узнавать друг у друга – а где живет отец Николай, как к нему добраться? И потекла на остров, который теперь уже хочется назвать святым, потому что его земля освящена легкими стопами старца Николая, неиссякаемая народная река.

Батюшка тогда еще был достаточно крепок – продолжал служить в Никольском храме, принимал исповедь, подолгу беседовал с паломниками. Тогда еще не пришло время «массовости», люди ехали к батюшке своим ходом, а не в группах. И потому каждый запоминал беседу со старцем как поворотное событие в своей жизни. Вот они, свидетельства паломников конца 1980-х годов. Все они говорят о том, что получали от батюшки главный дар – утешение, душевный покой, который посылает Дух Святой, называемый в церковных молитвах «Утешителем», почивающим в святых. Приведем здесь отрывки из воспоминаний паломников на остров, которые свидетельствуют о том, как преображался «внутренний человек» от общения со старцем³⁹.

«Случалось, что впервые приехавшему к нему человеку он вдруг говорил: “А мы с вами давно знакомы, я вас с детства, вот таким еще знаю”. Святая простота незабвенного старца всегда порождала в сердце чувство благоговейного страха и трепета: это то, что испытывает каждый, соприкасаясь с человеком, достигшим обожения. Великий старец своей жизнью учил смирению и кротости, уважению и любви. Он побуждал бороться гордыню, когда подавал пример отношения к ближнему. Будучи духовником всей Русской Православной Церкви, столпом старчества, он кланялся до земли молодым семинаристам и отцам, посещавшим его, и кротко просил их преподать ему иерейское благословение; настаивал дать облобызать их руку. Батюшка любил Бога, и потому любил всех людей без исключения, с их страстями и немощами.

---

³⁹ Цитаты взяты из книг: Любовь, ко Господу ведущая. СПб., 2007; Остров Божественной любви. СПб., 2008.

Посему сотни людей приходили в мирное устроение духа, только лишь побывав у его келии. Само благодатное присутствие старца рядом давало утешение».

«Прозорливый был батюшка, но не это главное было в его служении. Главное было то, что он всех утешал. Он ведь и сам так говорил, когда выходил из своего домика: “Надо вас утешить. Чем вас утешить?” Помазывал нас святым маслицем скрепочкой из пробирки – и такое утешение входило в душу. А говорил он совсем немного и, казалось бы, одни и те же слова разным людям говорил, а все получали утешение в самых разных обстоятельствах».

«В вечер нашего приезда был жуткий шторм. Казалось, крышу унесет. Когда батюшка увидел, что мы пришли в церковь, очень обрадовался, что мы не уплыли, а остались. Специально, чтобы еще больше утешить мою маму и направить ее в нужное духовное русло, отец Николай стал читать с нами акафист “Слава Богу за все”. Батюшка опустил на коленочки в храме, ближе к выходу, и прочел акафист полностью. Я никогда не видела и не слышала такой благоговейной молитвы. Это было первое удивительное впечатление о батюшке. Потом он нас очень ласково благословил, что-то дал нам на дорожку».

«После беседы с ним я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно иной, появилась твердая уверенность в будущем... Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время».

«На сердце было необычайно радостно, душа чувствовала особую бодрость, легкость, покой... Чувствовалось, что старец вслушивался в обратившегося к нему человека и, в зависимости от его внутреннего устроения, корректировал свое поведение и совет. Разговор с ним был диалогом, а не авторитарным, назидательным монологом... До сих пор посещение старого батюшки на далеком острове в Псковском озере вспоминается как сияющий праздник».

«Всю ночь я проплакала от благодарности к старцу, который исцелил раненую душу и нашел время и силы на особенное утешение. На следующее утро я уехала. Сердце примирилось со всеми».

Главное, что хочется отметить, говоря о даре утешения, свойственном старцу, – это то, что утешал он не только отдельных людей в их скорбях, но и с надеждой и верой говорил о судьбе России в целом. В ответ на сетования людей на тяжелую жизнь: «Батюшка! Как жить, когда Россией правят люди, ненавидящие и разрушающие ее?» – он неизменно говорил: «Нет! Нами правит Бог! Живите и радуйтесь!» Тем же, кто неумеренно отчаивался по поводу общих бед России, старец говорил, что это настроение, эти мысли нужно воспринимать как искушение. Самые разные паломники свидетельствуют, что это было одним из главных поучений старца – не допускать мыслей о том, что Россия погибла. И о будущем он говорил с уверенностью: «Божия Матерь Россию покроет!»

«Глубоко переживая разрушение русской культуры ее врагами, нравственное убийство русского народа, я была почти в состоянии отчаяния. Мне казалось, мир рушился вместе с Россией. Свои переживания я рассказала батюшке, не пытаясь сдержать слезы. Старец не перебивал меня, покачивал головой: “Так, так”. Затем он спросил: “А где ты видишь, что все разрушается? Знаешь, кто тебе все это показывает?” Я продолжала плакать и объясняла причины своей боли. Неожиданно вспыхнул свет – и мои глаза оказались прямо перед изображением Страшного Суда. Батюшка указывал на дьявола: “Вот, кто тебе показывает все. Гляди, какой он. Это Страшный Суд, когда одни пойдут в рай, а другие – в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай). Больше отчаянной озлобленности по отношению к иудеям у тебя не будет. Надо истово осенить себя крестным знаменем и сказать: “Господи, спаси и помилуй, ведь мы приняли Святое Крещение!”»

«Я спросила, спасет ли Господь Россию. “Тю! – легонько хлопнул по лбу меня батюшка. – Все может быть хорошо, молиться только надо”».

Спустя много лет на вопрос корреспондента о том, возродится ли Россия, старец ответил: «А она и не умирала. Нет-нет-нет. Нет-нет-нет. Где просто – там ангелов со сто, где мудрено – там ни одного. Когда нам кажется, что уже – все... Нет...» Старца спрашивали о России, а он отвечал: «Россия не умирала. Ох, как хорошо у нас! Слава Тебе, Господи! Господь не оставляет нас».

«На вопрос о влиянии злой силы батюшка отвечал с удивлением и улыбкой: “А как Бог? О воле Божией забыли?”» «Батюшка все время повторял: “Все хорошо, да, все хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся...”»

Старец неизменно повторял, что надо радоваться тому, что храмы и монастыри восстанавливаются, надо радоваться, что все больше людей приходит к Богу. И главное – не унывать, а надеяться на Божию милость. Батюшка во всем учил полагаться на волю Божию: «Будет, как должно быть». «В самые сложные периоды жизни батюшка всегда говорил: “Что тебе волноваться – у тебя есть вера”».

Все сказанное не означает, что батюшка не видел трагедии нашего времени. Разным людям он говорил: «Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись». Слезно переживал старец события в Сербии. В день бомбежки НАТО летом 1999 года он сказал: «Вот, мои драгоценные, что означает сейчас святое слово Сербия – Сербия: бьют их». В это время на благословение чадам батюшка давал, вероятно, им самим составленный «Братский гимн»⁴⁰.

В прежнее время порой надвигалось
Грозно латинство на нас.
Тайно и явно оно добивалось
Русь уничтожить не раз.

Много боролся за Веру Святую
Наш православный народ.
Эту глухую борьбу вековую
Русь и донныне ведет.

Послано Богом нам вновь испытание:
Тяжкое время невзгод.
В этом суровом горниле страданий
Должен окрепнуть народ.

Должен он Церковь и Родину смело
Грудью своей защитить,
Ради великого русского дела
Жизни своей не щадить.

Время под братской хоругвью сплотиться,
Выступить против врага.
Всем, в чьей душе вера в Бога хранится,

---

⁴⁰ Это стихотворение, которое, по словам жителей Талабского острова, принадлежит старцу Николаю, мы получили от них в дни памяти батюшки летом 2005 года.

Всем, кому Русь дорога.

В братской любви и святом единеньи
Наших успехов залог.
С ними не страшны врагов ухищренья:
В правде поможет нам Бог.

В этом гимне выразился неизменно бодрый дух старца – скорбя и плача о страданиях людей, старец шел по пути преподобного Силуана Афонского: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Толкователи этих слов говорят, что «держат ум во аде» – это значит постоянно переживать муку всего мира, сострадать страдальцам всего мира, «и не отчаиваться» – это значит всякий раз, когда мука сердечная за людей достигнет предела, сказать себе: «Не люди и временные правители управляют миром – миром Божиим управляет Сам Господь. Он владеет царствами земными и судьбами отдельных людей». Потому так часто повторял отец Николай: «Слава Богу за все!» И прибавлял строки из духовного стиха: «Слава Богу за скорбь и за радость». А еще любил петь народный псалом: «Не унывай, не унывай, душа моя. Уповай, уповай на Господа!»

С преподобным Силуаном Афонским старца Николая роднило также и то, что он молился за весь мир, плакал «о всем Адаме», и не только за живых, но и за тысячи усопших молитвенно воздыхал день и ночь.

Старец Николай – почитатель Царственных страстотерпцев

В жизнеописании старца Николая мы хотим принести сугубую благодарность ему за то, что по его молитвам, к которым присоединились молитвы тысяч людей, в 2000 году на Архиерейском Соборе были прославлены Царственные страстотерпцы. Благодарность наша старцу может и должна проявиться в том, чтобы по его примеру уразуметь великое значение служения Помазанников Божиих.

В юном Николае Гурьянове этот дух возжег Сам Господь. Напомним о том, что в девятилетнем возрасте ему было открыто то, что происходило в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь на 17 июля 1918 года. Благоговение и покаяние перед Царственными страдальцами он пронес через всю свою жизнь. Каждый год 17 июля, в день убиения Царской семьи отец Николай служил литургию и молился со слезами. Духовным чадам как-то сказал, что это – его день рождения – что говорило о таинственной глубокой связи старца и Царской семьи.

Особенно настойчиво о необходимости почитания и прославления Царственных мучеников старец Николай стал говорить в конце 1990-х годов, когда к нему на остров началось массовое паломничество и когда на высшем уровне – в Комиссии по канонизации, на заседаниях Синода Русской Православной Церкви – бурно обсуждался этот вопрос. Как известно, противниками канонизации были многие члены Комиссии, и далеко не все архиереи были ее сторонниками.

В 1997 году в келии старца Николая совместно с ним и по его благословию было написано и передано в Патриархию «Обращение чад Русской Православной Церкви, духовенства и мирян к Святейшему Патриарху Алексию по поводу необходимости прославления Царской семьи». В это же время старец благословлял людей на келейную домашнюю молитву Царственным страдальцам, говорил о том, что канонизацию нужно вымалывать. К старцу Николаю на остров приезжал хранитель мироточивой иконы святого Царя Николая О. И. Бельченко. Старец благоговейно молился перед иконой и благословил совершить с ней воздушный крестный ход над всей Россией. Это было незадолго до состоявшегося прославления Царской семьи.

Все «царское» собиралось и сохранялось в домике бабушки на острове с особой любовью. На фотографиях, сделанных в келии старца, мы видим икону Царственных мучеников, их портреты. В келейных молитвах старца постоянно звучали акафист и канон царю-мученику, составленный в Русской Православной Церкви Заграницей, где Государь уже был прославлен. Старец раздавал паломникам иконы Царственных мучеников, фотографии, акафисты, таким образом поддерживая и вдохновляя народное почитание святых, плодом которого и стало долгожданное официальное прославление на Архиерейском Соборе 2000 года.

Батюшка Николай очень любил «царского поэта» – Сергея Бехтеева, любил слушать его стихи, благословлял раздавать паломникам, говоря, что они служат поднятию русского, царского духа. Об одном стихотворении Бехтеева старец сказал: «Видите, как Господь возлюбил царя и причислил его к избранным святым... Спаситель возвысил царя Николая за его крестное смирение... Царь Николай – великий святой...» Прочитируем строки из этого стихотворения:

Старица... смотрит и видит,
Молитву честную твоя,
Рядом с Христом – самого страстотерпца царя.
Лик его скорбен; печаль на державном лице;
Вместо короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла...

Это откровение-видение было дано дивеевской старице в 1917 году, когда Государь еще был жив и царствовал...

С почитанием Царственных мучеников старец Николай связывал судьбы России и всего мира. Он говорил о том, что Государь-мученик Николай молится за свое земное Отечество, скорбит о нем и ждет народного покаяния, явленного не на словах, а на деле.

Одной из основных современных бед батюшка считал непонимание природы самодержавия. Он с сокрушением говорил о том, что Православная Церковь, хранительница благодати помазания на Царство, не смогла уберечь Государя Николая II и вынуждена была промолчать в самое тяжелое время.

Накануне общецерковного прославления Царственных мучеников отец Николай в ответ на беспокойство его келейниц, произойдет ли это, твердо сказал: «Царь – святой, грешно думать иначе, у Бога они все уже прославлены, ведь вы помните их святое житие? Как же

можно не почитать их святость? Они – угодники Божии, святые, мученики драгоценные, Господом возлюбленные!»

На Архиерейском Соборе в августе 2000 года, как теперь уже понимают многие, произошло настоящее чудо: все архиереи (за исключением одного) единогласно проголосовали за канонизацию. Это было торжество правды и Торжество Православия! А старец Николай Гурьянов был одним из главных тружеников духовных, подготовивших это торжество.

И после состоявшегося прославления старец велел своим чадам не успокаиваться («не спать», – так он говорил), благословлял собирать все, что можно, о царе – иконы, духовные книги, книги воспоминаний, портреты. И как заповедь оставил благословение всем нам: «Свято берегите память святого царя и Святую Русь!» И утешение оставил: «Молитва к царю Николаю – это духовный щит России». После прославления Царской семьи в лике святых по благословению старца на воротах островного кладбища были написаны лики царственных мучеников. Впоследствии на погребальном деревянном кресте старца была вырезана икона свв. Царственных страстотерцев.

Помощь старца в восстановлении храмов и монастырей России

Он очень любил монашествующих,
как-то даже благоговел пред таковыми,
укреплял, поддерживал в иноческом пути.

Монахиня Рафаила, келейница старца

Прп. Серафим Саровский говорил о том, что велик перед Богом тот человек, который построит монастырь или храм. А по молитвам старца Николая было восстановлено, построено столько храмов и монастырей в России, на Украине, в Белоруссии, что и счесть их трудно.

Еще до наступления религиозной свободы в стране старец Николай помогал благоустроить любимый им монастырь в Пюхтицах. Матушка игуменья Варвара была духовным чадом старца и часто приезжала на остров за советом, и сам батюшка ежегодно ездил в обитель на эстонской земле. Все годы игуменства матушки в монастыре велось строительство – была построена мощная ограда из валунов, новые корпуса. Потом из этого монастыря выйдет 20 игумений новых монастырей (вернее, возвращенных Церкви в 1990-е годы). Каждая или почти каждая матушка-настоятельница из названных 20 монастырей приезжала за благословением на остров к смиренному старцу Николаю.

Побывали у старца не только выходцы из Пюхтиц, но и игумении, которых взрастила московская и питерская земля. Например – игуменья Елизавета Свято-Елеазаровского монастыря, а также игуменья София Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге, – сами о том не помышляя, получили от старца Николая прямое указание на то, что им надлежит принять на себя руководство возрождающимися обителями. Старец Николай не только благословлял игумений и через них новые монашеские общины, но и продолжал молиться о них до последнего своего издыхания.

Более всего батюшка заботился о возрождении святынь своей родной псковской земли. Воспоминания многочисленных настоятелей соборы Л. Е. Азаркиной в книге «Служитель Божий». Приведем отрывок из воспоминаний, почитаемого на псковской земле священника – настоятеля храма св. блгв. кн. Александра Невского, протоиерея Олега Тэора: «Отец Николай благословил своим старческим благословением возрождение нашего храма. И вообще на Псковской земле очень много возрождалось святынь по благословию старца Николая. Например, в Струго-Красненском районе, в лесу, где подвизался пустынный Мардарий, очистили источник, построили часовню. В Островском районе в Устье построили каменный храм. И в самом Пскове по его благословию много святынь восстановлено. Батюшка не только благословлял возрождать святыни, но и потом бережно относиться к ним.

Божий Промысл является то, что в России, именно на батюшкиной родине, первыми из руин восстали поруганные безбожниками святыни. Это величайшее событие XX века – восстановление Дмитриевского собора в Гдове, где часто служил священномученик Вениамин. Также батюшка молитвенно участвовал в возрождении храмов на его родине – в Кобыльем Городище и Ремде»⁴¹.

Все вновь открытые монастыри в Пскове и в целом на Псковщине – и мужские, и женские – плод молитв старца Николая. Матушка игуменья Людмила (Ванина) говорила даже, что она в Снетогорский монастырь ни одну сестру без благословения старца Николая не приняла.

Псковское казачество по благословию старца Николая также занималось восстановлением святынь – была построена часовня на месте рождения св. равноапостольного князя Вла-

---

⁴¹ Служитель Божий. Кн. 2. Ч. 1. Псков, 2019. С. 263–264.

димира, была восстановлена часовня в д. Ольгино Поле, там же был приведен в порядок источник, построена часовня в исторической деревне Крюково, восстановлен храм Покрова Божией Матери в Пскове.

Сердце старца вмещало в себя заботу не только о ближних святынях, но его попечением возрождались и духовно укреплялись монашеские общины на Украине, в Белоруссии, в Литве, на Святой земле.

Старец Николай – сам делатель Иисусовой молитвы – знал, как много значит для возрождения страны, для спасения людей монашеская молитва, – и потому взял на себя служение, которое совершали прп. Сергей Радонежский, прп. Александр Свирский, прпп. старцы Оптинские, ученики которых основали множество монастырей по всей Русской земле. Так создавался молитвенный щит России из века в век.

Еще одно мощное средство для единения, вдохновения и молитвенной защиты народа – крестные ходы. Старец говорил: «Уже вся преисподняя вышла наружу! Надо нам брать оружие и выходить на передовую!» Много больших крестных ходов было организовано по всей России, и не только по земле шли они – не раз совершались облеты со святынями рубежей России. Старец завещал нам не оставлять этого спасительного делания, которое сплачивает народ.

Крестоношение старца в последнее десятилетие жизни

В 1990-е годы по всей стране стало развиваться массовое паломничество к православным святыням, что, конечно, можно назвать отрядным явлением. Паломничество в наше время – одно из самых ярких средств православной миссии. Но для старца Николая это «паломническое движение» оказалось новым крестом. Паломники устремились на остров «организованным порядком» – в день ему иногда приходилось принимать по несколько автобусов – от 250 до 500 человек. В любую погоду – в летний зной, в мороз, под дождем – старец выходил к народу с иерусалимским маслицем – и ни одного человека не отпустил без утешения. От помазания этим маслицем получали облегчение телесных недомоганий и душевных скорбей.

...Открывалась заветная дверца маленького зеленого домика в одно окошко, и навстречу нам выходил батюшка, о нем хотелось сказать, – высшее благолепие и мудрость являлась в блистающей седине, ярких голубых глазах и смиренной фигуре. Батюшка поднимал руку к полочке над дверью, доставал оттуда маленькую бутылочку, в которую была вставлена разогнутая большая канцелярская скрепка, и начинал помазывать ожидающий этого помазания как дара небесного народ. «Драгоценные мои!» – обращался батюшка к паломникам. К некоторым паломникам он обращался с кратким словом; с поразительной легкостью, иногда даже с шуткой, юродствуя, он развязывал, разрешал самые запутанные узелки душевных смущений и кривых мыслей.

Теперь настало время произнести покаянные слова. Принести покаяние в непонимании и потребительском отношении к великим дарам духовным. «Вся беда в том, – сказал нам один опытный духовник, – что у людей нет правильных христианских понятий о подвижничестве и о старчестве». Как раньше ездили к старцам, например, в Оптину пустынь, о которой более всего сохранилось воспоминаний паломников? Ездили, когда наступала великая духовная жажда, когда человек всей душой своей, всем помышлением устремлялся к Богу. К старцу ехали как к духоносному подвижнику, который может дать правильное направление в жизни. Ехали,

«томимые духовной жадой», к тому, кто может из опыта сказать, как бороться с грехом, как правильно жить в Боге, как жить по-христиански среди искушений современного мира. И как написал последний оптинский старец Никон (Беляев), подчас люди, побывавшие у старца всего один раз, духовно вразумлялись гораздо больше, чем те, кто жил с ним рядом долгие годы и видел его изо дня в день. Из старцев в те времена не делали кумиров, оптинские старцы нарочито боролись с фанатизмом поклонников и поклонниц. Они учили человека верить в благодатную Божию помощь, а не мучить духовника мелкими вопросами (здесь мы, конечно же, не касаемся отношений между старцем и братией монастыря – тут действуют другие духовные законы).

Как едут к старцам в наши дни? Келейники, да и сами старцы свидетельствуют: современные паломники почти не задают духовных вопросов. К старцу относятся, как к гадалке: где сейчас мой сын, он давно пропал из дома? менять мне эту квартиру на другую, на какую именно и какого числа? поступать в торговый колледж или в педагогический институт, и т. д., и т. п.? В результате мы видим: чем милосерднее относится батюшка к людям, тем больше он получает от них упреков, клеветы, непонимания.

Когда думаешь о подвиге старца Николая Гурьянова последних лет, вспоминаются слова преподобного Амвросия Оптинского, которые он говорил, страдая от наплыва народа, шамординским матушкам: «Я тут у вас – как распятой». Да только люди тогда все-таки были скромнее. Они не стучали в закрытые двери и окна батюшки, не заставляли его часами простаивать на морозе или жаре, не требовали – тут же «вынь да подай» ответ на любой вопрос. Они не снимали о старцах фильмов, не писали статей, не фотографировались со старцем на память...

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мир Твой», – так молятся старцы. Им всех жалко, они не осуждают. Все происходящее они принимают как от Бога, благодарят за все: и за хорошее, и за плохое. А нам так хотелось втянуть Божиего человека в нашу борьбу, – как нам казалось, святую борьбу – за правду, мы прямо жаждали вытянуть из него возмущение: «Батюшка! Посмотрите, что творится! (Количество восклицательных знаков можно бы увеличить.) Нас продали! Нас обманывают! Над вами тоже издеваются! Надо обличать! Надо защищаться!» И вдруг в ответ звучат страшные слова: «Им не надо теперь никакого старца, нет старца» (эти слова старец не один раз сказал во время одной беседы, и они записаны на видео).

Истолковывают эти слова по-разному, понять их можно через сравнение с тем, что происходило в последние годы жизни с великим оптинским старцем – преподобным Нектарием. Вот что мы читаем в его житии: «Бремя старчества страшно и тяжело. И быть старцем каждую секунду непосильно человеку. Старца окружала великая любовь, но и великая требовательность». Это слова келейницы старца, которая видела не только Божескую славу, но и его человеческую физическую немощь, и то истощание старца ради людей, которое подобно крестной муке. И подумалось: что же мы все делали, не давая ему покоя? Забывая о том, как подвижники готовятся к переходу в вечную жизнь, месяцами, годами пребывая в уединении. Многие из них уходят в затвор, а многие, и находясь на людях, уже не вникают в их преходящие проблемы и смущения. Хотя это не означает, что, внешне не участвуя в жизни людей, подвижники их бросают на произвол судьбы.

«Чадо мое, столько лет ты меня знаешь! – неужели ты не знаешь, что теперь я могу больше помочь тебе молитвами, нежели словами?» Не приходилось ли нам слышать такие вразумления... и пропускать их не только мимо ушей, но и мимо души? Почему мы не давали старцу Николаю такой возможности, естественной для того, кто все свои силы уже отдал служению людям, – возможности подготовиться к переходу за грань этого бытия?

Старец в последнее время постоянно просил: «Молитесь обо мне». Значит, ему было нелегко. Мы все – слепые, нам недоступны тайны духовной жизни. Мы судим обо всем плотскому. Нам не было видно, что на самом деле в духовном плане происходило в домике

на острове Залита. Нам не постичь было сути той духовной битвы, которая бушевала вокруг старца. Потом только мы стали узнавать некие подробности.

Путаница, обман, искажение духа истины, различные духовные подмены – вот, что только могли мы каким-то несказанным образом почувствовать и в то время. Но разобраться в этом?.. Наше ли это дело? Ведь подобное познается подобным – и о тайне жизненного духовного пути старца может сказать только сопричастный ему человек, как раньше говорили, – сотаинник.

Все наши старцы, и времен прошедших, и настоящего, переживали гонения, клевету, непонимание. О причинах того, отчего это происходит, написал современник отца Николая – старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин): «Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто – уже извалявшись в скверне греха, а кто – отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто – и задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои Отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить. Но нет! Великий ухажер – диавол – на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а “вваливается” в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что – изменить пора. Он уже “знает, что такое благодать и как она выглядит”, еще не начав быть православным христианином, он становится судьей и учителем. Такие люди примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их теперь».

Наши покаянные слова не означают, что все окружавшие старца люди были его мучителями. Конечно же, это было не так. Среди посетителей старца было немало настоящих подвижников, сама дорога к нему часто была подвигом. У дверей домика старца осуществлялось то, что называется высоким словом «соборность». Люди чувствовали единство духовной жизни. Неважно было, что кто-то может услышать твой вопрос и наставление батюшки. Здесь все было полезно слышать и видеть. Слова, обращенные к одному человеку, были полезными и для других людей.

Батюшка любил людей, получал от общения радость. Он был всецело предан воле Божией, и все, что происходило, воспринимал как должное. И был против того, чтобы что-то изменить в своей жизни последних лет, когда ему это предлагали.

Эту покаянную главку мы все-таки закончим признанием в том, что не понимали Божиего человека. Как сказал один из паломников: «Надо было внимательно слушать старца. И выполнять его благословение в той последовательности, которую он открыл, а не механически. Старцы, подвижники – это те, кто правильно молится. И Бог дает им свои дары. А мы все умничаем. Вопросы любим задавать, хотим, чтобы у нас в жизни все поскорее да получше разрешалось. А нужна верная основа жизни для каждого человека – правильно молиться и учиться всю жизнь у Церкви – остальное приложится».

Юродство блаженного старца

Подвиг юродства старец Николай принял на себя в то время, когда к нему стало ездить много посетителей. Давние его духовные чада не припомнят, чтобы батюшка в молодые годы юродствовал. Хотя проявлением юродства можно считать то, что батюшка всегда жил в трудных условиях, не стараясь их улучшить: терпел холод и голод (на острове была большая проблема с дровами, а хлеб тоже привозили не часто, и не всем он доставался), в домике терпел мышей (не давал ставить мышеловку), а когда посетители видели мышинный помет прямо на кровати батюшки, он говорил: «Они мне колыбельную поют: “Спи, батюшка, спи”».

Типичные приемы юродивых: разговор языком жестов и движений, говорения на непонятных языках, чтение стихотворений в ответ на вопросы, детскую игривость – все это батюшка стал употреблять, как воспитательные средства, – для того, чтобы спрятать под покровом юродства прозорливость и дар чудотворения. Но со временем посетители начали понимать язык батюшки. Если он кого-то бил по щеке, то люди понимали, что так старец изгонял какую-то страсть. Если быстро бежал впереди человека, это означало, что его вскоре откуда-то погонят или обстоятельства сложатся так, что нужно будет бежать. Однажды батюшка сам пояснил значение своего быстрого бега так: «Что вы за мной бежите? Если бы вы в церковь так бежали, как за мной бежите!»

Если старец брал себе какую-то вещь: священнический крест, скуфейку, платок, кольцо с пальца, фотоаппарат, даже епископский посох, а потом возвращал владельцу ее обратно – это означало, что он берет на себя часть служения этого человека, разделяет с ним его крест и благословляет на проходимое поприще. Если начинал усиленно кормить то горьким, то сладким – значит, делился благодатью или предсказывал испытания.

Здесь мы приведем два наиболее ярких примера. Вспоминает настоятельница Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря игуменья Варвара: «Помню, приехал он к нам, сели мы завтракать, а я очень плакала. Он берет мой стакан с чаем, кладет в него сахар, соль, варенье, кусочек селедки. Полил все постным маслом, размешал ложечкой и говорит мне: “Матушка, выпей, только все до дна: и горькое, и сладкое, и кислое – все до дна!” Глотка три выпила и говорю, что больше пить не могу. А батюшка успокоил: “Что не сможешь – я допью”, – и допил»⁴².

Незадолго до затвора батюшка напоследок напитал любимую свою паству. «Батюшка зашел в домик и вышел снова с булкой хлеба в руках, разделил на всех. Затем снова ушел и вернулся с банкой жидкого малинового варенья и пригласил всех со словами: “Мои драгоценные, мне хочется вас покормить”. Все стали подходить по очереди, а батюшка давал каждому по ложечке варенья, причем очень благоговейно, просил подставлять руку, чтобы ни капельки варенья не упало»⁴³.

Вообще, когда гости бывали в домике у батюшки, он кормил их «до упора», заставлял съесть больше, чем человеку хотелось. Питал своей благодатью на будущее время. А иногда таким образом обличал в грехе чревоугодия и лечил от него. При этом часто сопровождал свои действия шутливостью.

---

⁴² Жил на острове праведник. С. 55.

⁴³ Боже, зри мое смирение. С. 190.

Особенно обращало на себя внимание говорение на иностранных языках: эстонском, немецком, латыни. Тем самым он предугадывал национальность или местожительство человека, его профессию. Также часто батюшка говорил формулами. «Сера в воздухе горит – вот и вышел ангидрид. Ангидрид да плюс вода – получилась кислота». Или вспоминал физические законы: «Величина деформации прямо пропорциональна действующей силе»⁴⁴. Так иносказательно старец напоминал о смирении, вразумлял человека, что надо приложить усилия, как потрудишься духовно – такой и будет результат. Ибо законы духовные так же непреложны, как законы физики и химии.

Часто, как это и бывает у блаженных, под юродством скрывалось обличение. Духовные стихи пел и читал батюшка всегда со смыслом. Если видел и чувствовал что-то неладное в чьей-то душе, то выбирал нужный духовный стих. Обличения старца не уязвляли душу, а даже веселили поначалу, а потом заставляли задуматься.

Вот что рассказал один из паломников. «Открылась дверь, и на крыльцо вышел батюшка. Он напевал песенку про Иерусалим, которую я часто от него потом слышал. Затем отец Николай зачем-то прочел стишок из курса химии – про альдегид. Посмотрел эдак на нас, еще не благословляя, затем сказал мне нечто по-эстонски, после чего отец Георгий засмеялся... Потом батюшка Николай еще раз посмотрел на меня и сказал фразу по-немецки: “Учиться, учиться – только не работать”. Мы так и покатались со смеху. Это было просто в точку! Во-первых, мама у меня, действительно, немка, и, во-вторых, мой склад характера такой, что мне по сердцу больше что-то читать, изучать, чем заниматься физической работой. К тому же я увлекался когда-то химией, делал разные эксперименты в этой области»⁴⁵.

В юродливой форме старец обличал женщин, которые носили брюки, даже если (как это и сейчас часто бывает с паломниками в святых местах) они надевали поверх брюк юбки, – таких женщин он называл мужскими именами, часто называл женщину именем ее мужа с ее

⁴⁴ Там же. С. 170.

⁴⁵ Жил на острове праведник. С. 184.

собственным отчеством. Иногда такое именование означало, что в семье нет лада и жена всегда стремится брать верх над мужем.

Юродствовал старец не только ради обличения, но, как мы говорили выше, из желания скрыть себя. Например, читая проповеди по книге, он часто держал эту книжку «вверх ногами». Но и главное, что хотел скрыть батюшка ради своего великого смирения под покровом юродства, – это Божий дар прозорливости.

Случаи прозорливости

Рассказов о случаях действия в старце Николае дара прозорливости существует великое множество, почти в каждом из воспоминаний самых разных людей мы находим свидетельства того, что батюшка «видел их насквозь» – прозревал прошлое и будущее, скрытые мысли и поступки. Мог обратиться по имени к незнакомому человеку при первой встрече или при встрече через много (десять и более!) лет и потом при постоянном многолюдстве безошибочно обращаться по имени, хотя при этом близких людей мог спросить: «А как вас зовут?» Задавая вопросы об обстоятельствах жизни человека, сам называл город, улицу, место его работы, мог назвать имя духовника и родственников.

Часто прикровенным образом старец открывал будущую долю. Знаменательны в этом смысле рассказы игумений двух обителей – Пюхтицкой и Горненской на Святой земле. Монахине Варваре он неожиданно для всех вдруг стал говорить о том, что ее скоро станут «сватать». В скором времени мать Варвару вызвали в Москву и «сосватали» в Пюхтицы настоятельницей⁴⁶. Когда матушка уже стала настоятельницей, батюшка стал ее называть строительницей. И вскоре ей пришлось, действительно, многое в монастыре строить и восстанавливать.

А матушке Георгии игуменство старец предсказывал неоднократно. Однажды привел ее на островное кладбище и велел: «Благослови мою матушку. Крести могилку». Второй раз прислал ей письмо с адресом: «Игумении Георгии». А перед самым назначением на Святую землю в алтаре своего храма возложил ей на плечи крест.

Монашество старец Николай мог предсказать намного раньше, чем сам человек об этом подумал, мог назвать новое имя в постриге. Но столь же радостно он предсказывал рождение детей, мог назвать пол будущего ребенка, благословлял, каким именем назвать младенца. И с особой заботой относился к тому, чтобы брачный союз был обязательно освящен венчанием. При всех своих высоких дарованиях и прозрениях старец от приходящих к нему людей требовал в общем-то немного. Главные вопросы, которые он задавал каждому: «Не пьешь? Не куришь? Брак венчанный?» Вернее, он-то заранее знал ответы на все эти вопросы (что не раз и проявлялось), но нужно было, чтобы человек сам исповедовал свой порок и захотел исправиться. И по молитвам батюшки исцеления совершались.

Старец заранее знал, кто едет к нему на остров. Существует немало свидетельств о том, что он посылал встречать человека с тяжелым грузом или сам выходил навстречу долгожданному паломнику. Бывало, что прямо-таки бежал на берег озера, чтобы спасти погибающего в пути. Так же заботливо отец Николай и провожал паломников с острова – именно в ту минуту, когда их на пути должна была встретить и забрать с собой попутка или запоздавший рейсовый автобус.

---

⁴⁶ Жил на острове праведник. С. 62.

Прозорливость проявлялась по отношению к тем приношениям, которые люди привозили на остров. Часто он не брал приносимое, говорил: «Вам самим нужнее». Или, взяв, например, коробку конфет, мог сказать: «Конфеты я возьму (часто для того, чтобы тут же их кому-то отдать), а деньги заберите». Хотя он не мог видеть, что в запакованную коробку положены деньги.

Старец видел, с каким сердцем несут ему дары, потому, отвергнув «деликатесы», мог взять самое скромное приношение. Как рассказывает одна женщина: «Перед выездом мама дала мне большой кочан капусты и сказала: “Увези батюшке”. Я очень роптала (ведь можно купить на рынке в Пскове, зачем тащить такую тяжесть), но мама настояла. Пришлось ходить по Пскову с этим кочаном, а ноги были стерты до крови новыми туфлями. Зато, когда я приехала к батюшке и после разговора с ним все утешенные и довольные стали предлагать ему привезенные продукты, он ничего не брал, и только глядя на меня с веселой улыбкой сказал: “Ну, капусточки из дому, так уж возьму! Раз уж из дому”»⁴⁷.

Прозорливость старец проявлял не для того, чтобы удивить людей необычным даром, а ради спасения душ. Так батюшка духовным зрением мог увидеть, что на подошедшем к Причастию человеке нет креста, и отстранял его от Чаши; мог увидеть и обличить тайные дурные мысли и поступки, предупредить от возможного падения, жизненной ошибки. «Ледок тонок! Идите осторожно!» – часто предупреждал батюшка, тем самым намекая на духовную незрелость человека. Стараясь оградить человека от нерадивой жизни, часто батюшка посетителям своей кельи показывал на картину Страшного Суда и говорил: «Это Страшный Суд: когда одни пойдут в рай, а другие – в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть в рай), а не сюда. Посмотрите, там вечность, и вечное мучение, и горе какое – в эту вечность попасть! Боже упаси!»

---

⁴⁷ Боже, зри мое смирение. С. 50.

Бог открыл батюшке время его кончины – это тоже было одним из проявлений его дара прозорливости. Некоторым близким людям незадолго до смерти батюшка говорил: «Мы с вами больше не увидимся». При последней встрече со старейшим священником Псковской епархии, исповедником Христовым и его духовным другом протоиереем Борисом Николаевым старец вдруг сказал: «Давайте споем тропарь Успению Божией Матери». По кончине старца поняли, что он хотел этим сказать. Старец отошел ко Господу во время Успенского поста, незадолго до праздника.

Однажды паломники из простецов спросили старца: «Батюшка, а как же вы это так все знаете?» На что батюшка ответил: «Так простота нужна, ведь где просто – там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного»⁴⁸. Старец Николай этими словами обозначил тот закон проявления прозорливости в человеке, о котором когда-то говорил прп. Серафим Саровский: «Когда я говорил от себя, то бывало, что и ошибался, а когда давал место Богу – ошибок не было». Старец очень почитал прп. Серафима и говорил: «Мы с ним духовно близки». И воистину для русских людей последнего времени батюшка был таким же светочем любви Христовой и радости, каким был и саровский подвижник.

---

⁴⁸ Боже, зри мое смирение. С. 145.

Чудотворения по молитвам старца

Свидетельства о чудотворениях – исцелениях души и тела, явленных по молитвам старца, – многочисленны. И подобны тем, о которых мы читаем в житиях прославленных подвижников. Будущий составитель официального церковного жития старца (в то, что прославление протоиерея Николая Гурьянова рано или поздно должно свершиться, все мы, почитатели старца, твердо веруем) должен будет составить подробный список с указанием имен и места жительства свидетелей, с указанием того, где, когда и каким образом они получили исцеления благодаря молитвенной помощи старца.

Поражает «широкая специализация» старца при врачевании различных заболеваний. Люди свидетельствуют: придя к старцу с застарелыми недугами, они уходили исцеленными. Множество болезней отступили по его молитвам. Тут и болезни внутренних органов: почек, желудка, кишечника; гипертония; кожные заболевания; радикулит; разрешение немоты и заикания; разрешение бесплодия.

К этим же чудесным изменениям немощной природы человеческой можно отнести и то, что по молитвам старца у людей появлялся музыкальный слух (и они могли петь и читать на клиросе, что прежде не удавалось), просветлялся ум в познании трудных предметов во время учебы, совершенствовались профессиональные навыки, которые прежде давались с большим трудом.

Старец помазывал больные места маслом, совершал над пораженным недугом органом крестное знамение, иногда слегка ударял по больному месту, хлопал и поглаживал, дергал за ухо или за нос, бил по щекам. То есть за юродивыми действиями батюшка скрывал проявление силы Божией.

Иногда благодаря молитвам старца Николая находилось необходимое для лечения лекарство и опытный доктор, иногда же, наоборот, старец действовал вопреки медицине.

Несмотря на прогнозы медиков, произошло явное исцеление больного ребенка. У девочки был рак и несвертываемость крови, она уже была приговорена к смерти. Мать поехала с обреченной дочерью на остров. «Подошла к воротам, прижалась лбом и начала молча, про себя, молить: “Батюшка Николай! Спаси, спаси! – дите мое умирает!” Так молилась и рыдала...

И вот что произошло. Через какое-то время открылись ворота, и выходит кот. Подходит он прямо к девочке, и та начинает с ним играть. Мы с мужем приходим в ужас: вдруг он ее поцарапает, кровь-то не сворачивается! Кот, действительно, царапает дочку... Мы цепенеем и ждем самого страшного, а кровь... покапала и перестала»⁴⁹.

Последний случай показывает, что главным в исцелении была молитва, а внешние действия – второстепенны.

Зачастую поначалу люди и не замечали, что с ними произошло. Только вернувшись домой и придя на очередное медицинское обследование, или сдав анализы, к удивлению врачей, они обнаруживали, что от болезни не осталось и следа.

В тех случаях, когда исцеление было тут же явлено болящему, старец часто говорил по-евангельски: «Только не оставляйте духовной жизни» (см. Ин. 8, 11).

Верующие врачи признавали чудотворный дар старца и изумлялись ему. Главным в чудотворениях-исцелениях старца Николая было то, что он ставил правильный диагноз болезни души и помогал человеку покаяться. Таким образом происходили многочисленные освобождения от пристрастия к табаку и алкоголю, водворение мира в семье, приход людей к вере.

И еще: видевшие, как батюшка страдает больным людям и вообще всем, его посетители учились состраданию друг другу, взаимопомощи, поддержке. А это служило спасению души.

---

⁴⁹ Жил на острове праведник. М., 2009. С. 222.

Надеемся, что и наш рассказ заставит кого-то проверить себя: как мы относимся к нашим ближним, учимся ли чему-то у батюшки?

Исход в вечность

19 декабря 1998 года батюшка Николай отслужил последнюю литургию в своем храме на престольный праздник свт. Николая. Через полгода ему исполнилось 90 лет, и он сам попросил святейшего патриарха Алексея о почислении его на покой и назначении нового настоятеля в храм. В это время старец тяжело болел и не мог уже принимать людей, ему категорически запрещено было врачами стоять на улице на сквозняке (старец перенес двустороннюю пневмонию и герпесное заболевание, – кто испытал эту болезнь – знает, какие невыносимые боли она приносит). В сентябре 1999 года свободный доступ к старцу был закрыт.

По словам врачей, которые постоянно посещали старца на протяжении последних лет его жизни, его физические муки были непрерывными. Но старец никогда не жаловался на свои страдания. Вот что написал об этом профессор Военно-медицинской академии В. А. Гориславец: «При исполнении своего врачебного долга во время продолжительной тяжелой болезни батюшки Николая я особенно отмечал его смирение и терпение. На первый мой вопрос: “Каково ваше здоровье, дорогой батюшка?” – следовал, как правило, ответ: “Да все хорошо”. По прошествии определенного времени пребывания в келии узнавал, что головные боли у батюшки Николая были практически постоянные в течение последних трех лет».

И в великой телесной немощи, сковавшей старца в последний год, он продолжал воспитывать близких людей. Отец Валериан Кречетов вспоминает: «Я знал, что батюшка мог стукнуть по щеке, обычно он бил по левой. То одного похлопает по щеке, то – другого. Батюшка с любовью большой это делал. Говорят, что он отгонял этим его (лукавого духа. – *Примеч. ред.*). За много лет, сколько я ездил к нему, старец никогда меня ни разу не стукнул. Мне даже было грустно оттого, что он меня никогда не тронул, потому что, кого Бог любит, того и наказует... Зато потом отец Николай дал мне, как следует, да так сильно, что у меня в голове все

затряслось. Ну, дождался и я... Я, вроде, попросил – так он и дал. Старческое в нем было – это несомненно».

Последние годы были окрашены скорбью – приезжали на остров паломники, которые без благословения хотели проникнуть в домик старца, были и угрожавшие его жизни. Решено было выставить охрану у ворот. Старцу много раз предлагали уехать – в Пюхтицы, в Псково-Печерский монастырь, в какой-нибудь сокровенный скит, но он всегда отказывался: не хотел покидать могилу мамушки и любимый им остров, не мог нарушить данное ему прп. Симеоном Печерским благословение – жить на острове. Старцу предлагали поменять келейниц, и изредка эти замены происходили, но потом все возвращалось на круги своя. Угодник Христов золотил свой крест или, как он сам говорил, – «мои вериги».

В начале августа 1999 года старец неожиданно покинул затвор и, как вспоминают жители острова, «сделал три прощальных круга» – обежал остров, зашел в церковь, простился со всеми.

Изредка людей в домик старца пускали, но только тех, кто имел реальную нужду и если старец благословлял на то. Паломники писали записки с вопросами и через келейниц передавали батюшке, некоторым они потом выносили ответы или даже благословения в виде книг, конфет, цветочков.

Но все-таки до сих пор остается тайной (и останется, видимо, навсегда), что происходило в домике большую часть времени в последние годы жизни старца. Известно только, что своему исповеднику, протоиерею Валериану Кречетову, он сказал: «Будет еще такое, что мне уже не перенести». Но тот же отец Валериан объясняет: «...он мог что-то сказать, чтобы спутать лукавого: сначала, вроде, одно говорил, потом – другое. Святые отцы советуют не говорить: “Ой, сил нет больше!” – а то враг нападет. То есть батюшка говорил иногда некоторые вещи, имея в виду, что кто-то еще слышит, и некоторым людям его слова казались странными. Мы-то судим по своей логике, а он как-бы учитывал другую логику мышления. Такое у меня чувство.

Духовный мир, Небесная Церковь реально существуют. Там – своя логика. Мы этого не знаем, но она есть»⁵⁰.

Говоря о том, что «будет такое, что не перенести», старец не обязательно имел в виду себя: как и всякий святой Божий человек, молящийся за людей, он нес на себе их беды и страдания. Последние годы жизни старца совпали со страшной войной в Чечне, когда наши солдаты томились в плену, подвергались пыткам, погибали, преданные военачальниками. А после смерти старца Николая произошли не менее страшные, чем война, события: захват заложников в Театральном центре на Дубровке, школы в Беслане, рейд боевиков в Кабардино-Балкарии. В это время ношу молитвы за людей после ухода старца Николая на русской земле несли уже другие избранники Божии.

---

⁵⁰ Служитель Божий. Кн. 2. Ч. 2. С. 260, 259.

Погребение

Старец Николай Гурьянов отошел ко Господу в субботу 24 августа 2002 года в 17 часов 30 минут. Тысячи людей со всех концов России собрались на маленьком острове, чтобы проводить в последний путь своего духовного отца, наставника и молитвенника – великого старца. В погребении участвовали два владыки: архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий и Никон, бывший епископ Екатеринбургский, живущий на покое в Псково-Печерском монастыре – и сорок служащих священников.

Духовно-проникновенные и важные по содержащейся в них информации воспоминания оставила игумения Елизавета, настоятельница Спасо-Елеазаровского монастыря: «Никогда не забуду, какая была ночь перед погребением отца Николая. Нечто подобное я ощущала, когда мы, будучи паломниками, переплывали Босфор со светящимися огнями судов и чувствовали некую совершавшуюся тайну. И Псковское озеро в ночь на 25 августа 2002 года представляло собой какой-то громадный международный порт. Столько было огней! Плыли суда, множество разнообразных лодок. И при этом необыкновенный густой-прегустой белоснежный туман, какого раньше здесь никто из местных жителей не наблюдал. Было ощущение, что это не туман, а таинственная божественная дымка.

В природе был такой покой, была благодать, буквально – благорастворение воздушных масс. Трудно даже описать, насколько все было благодатное, тихое, спокойное.

Когда на другой день приехал владыка Евсевий, мы пошли в келью старца. И там владыка спросил келейниц в присутствии свидетелей: «Был ли батюшка в постриге? И если да, то сохранилось ли монашеское облачение или какие-то документальные свидетельства его пострижения? Ведь ходят разные слухи, будто был он в монашеском чине и даже чуть ли не епископ...»

Владыке надо было знать, как и в чем хоронить батюшку. Для монашествующего ведь существует особый чин погребения. И ответ келейниц был: «Нет». Владыка при этом несколько раз переспросил. Вопрос же не праздный. И в ответ снова прозвучало: «Нет». Тогда владыка сказал: «Что же, тогда сомнений быть не может. Будем погребать как священника»⁵¹.

---

⁵¹ Служитель Божий. Кн. 2. Ч. 2. С. 309.

Переживания сонма паломников, провожавших батюшку в последний путь, прекрасно передал писатель Игорь Изборцев: «Последнее целование... Редкие удары колокола... Звук от каждого удара повисает над островом, а потом, вытесняемый следующим за ним, уплывает прочь скорбным вестником вселенной... Гроб трижды обносят вокруг храма. Плотный человеческий поток, словно самое озеро выплеснулось на улицы острова.

Множество сосредоточенных, самоуглубленных – и оттого необыкновенно привлекательных лиц, подкупающих достоверностью переживаемого чувства – прощания с самым, быть может, дорогим человеком, – лиц по-детски чистых, просветленных близостью небесного, вечного. Отброшены неудобноносимые бремена апостасийной действительности. Где вы, химеры мира? Нет вас...

В такие мгновения невольно проникаешься мыслью, что народ, действительно, дитя, нуждающееся лишь в одном Отце – Небесном, и увлекаемое к горнему земными пастырями – такими, как отец Николай...

Похоронная процессия движется к месту последнего упокоения старца. Впереди – пожилой мужчина. Он несет крест, бережно прижимая его обеими руками к груди. Это раб Божий Василий – давнее духовное чадо батюшки Николая...

Некогда старец благословил Василия на строительство храма в честь пророка Божия Илии в Островском районе. Места там глухие, разоренные лихолетьями и настолько отдаленные от каких-либо денежных потоков, что местным крестьянам самим впору идти по миру с кружкой для пожертвований, однако батюшка, благословляя, успокоил: «Построите с Божией помощью». Теперь храм построен и действует – отец Николай не говорил пустых слов!

Святейший патриарх Алексей II назвал протоиерея Николая Гурьянова одним из столпов русского старчества, отметив, что отец Николай имел не только огромный жизненный опыт, но и неистощимую любовь к людям; что, несмотря на свой преклонный возраст, отец Николай старался каждому приходящему к нему сказать ободряющее слово, духовно укрепить скорбящих. Весть о кончине быстро разнеслась по всей России – и во многих храмах стали возносить молитвы о упокоении души новопреставленного раба Божия протоиерея Николая. «Уход

такого человека – невосполнимая потеря не только для родных и близких, но и для всех его духовных чад, – сказал Святейший Патриарх. – По-человечески жаль, что в нынешней жизни более не будет возможности обратиться к отцу Николаю за советом, за духовной поддержкой»⁵².

Все присутствовавшие на погребении старца переживали происходившее как Торжество православия – была явлена любовь русского народа к старцу, и у всех была уверенность, что у России появился новый небесный заступник.

Погребен был протоиерей Николай по его завещанию на кладбище напротив его дома, неподалеку от своей мамушки Екатерины и блаженного Михаила.

По прошествии времени исполняются слова батюшки: «Когда я уйду, то будете приезжать ко мне на остров, как и прежде». Паломничество на остров не иссякает, по-прежнему люди получают исцеления от «иерусалимского маслица», которое ныне налито в лампадку на могиле, получают душевное утешение в открытой для посещения келье старца, молятся в восстановленном старцем храме его небесного покровителя – святителя Николая.

---

⁵² *Изборцев, И.* «В руце Твои, Господи...». С. 120–121.

Чему учил старец. Краткие изречения старца Николая

Чтение старцем Николаем одних и тех же стихов разным людям, так же, как и вынужденные прилюдные исповеди у калитки, созидали то, что можно назвать высоким словом «соборность», а попросту: делали всех родными, близкими друг другу, народом Божиим.

Поэтому мы считаем, что и те краткие изречения старца, которые запомнили и записали отдельные люди, значимы не только для того человека, к которому они были обращены, но и для всех нас.

Батюшка вообще говорил мало, видимо, он был от природы молчалив, потому его редкие высказывания были афористичными – в одной фразе заключалась целая жизненная программа. Потому так ярко запомнилось все, сказанное старцем. Краткие изречения мы извлекли из названных воспоминаний и писем старца.

* * *

Будьте всегда радостны и в самые тяжелые дни вашей жизни не забывайте благодарить Бога: благодарное сердце ни в чем не нуждается.

* * *

Ты не рвись, а молись святому (тому, кому был посвящен храм) – и он все устроит.

* * *

Все слава Богу! Все будет хорошо. Господь поможет.

* * *

Живи просто – доживешь до ста.

* * *

Живем, как в сказке, где добро ведет борьбу со злом. Мы должны побеждать зло добром, а сами не должны побеждаться злом.

* * *

Пекись о своем мире душевном – вот и в мире будет порядок.

* * *

Радуйтесь, ведь вы с Богом. Радуйтесь, что вы верующие, православные.

* * *

Открой Евангелие – и найдешь там все ответы на твои вопросы. Евангелие не оставляйте!
Ходи в храм и веруй Господу. Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец.

* * *

Смирение и молитва – главное. Одна черная одежда – еще не смирение.

* * *

Работай руками, работай умом, работай без усталости ночью и днем.

* * *

Над умными есть разумные, над разумными есть мудрые, над мудрыми есть премудрые,
а над премудрыми – святая простота.

* * *

Как хорошо мы сейчас живем! Монастыри восстанавливаются, храмы строят! Какие вы счастливые, что в такое время живете, что крестики носите, что церкви открыты!

* * *

Платочек на голове женщины – это ангельский покров.

* * *

Поздравляю вас с очищением совести (после исповеди).

* * *

Положитесь, дорогие мои, на волю Божию – и все будет так, как вам нужно.

* * *

Мы с вами, мои драгоценные, самые счастливые, потому что Господь с нами, Царствие Небесное здесь и Ангелы Божии рядом...

* * *

Мы сейчас в гостях, а пойдем домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Но там, дома, двоякое направление жизни: там вечная радость – для праведников и страшный геенский огонь – для грешников. И это не какие-то выдумки, нет, это – истина.

* * *

Я только хочу сказать вам, мои драгоценные, берегите растительный и животный мир... Ведь посмотрите, как все Бог устроил!

* * *

Надо жалеть неверующих людей и всегда молиться, чтобы Господь их избавил от вражеского помрачения.

* * *

Человек рожден для того, чтобы беседовать с Богом.

* * *

Радуйтесь и благодарите Бога, что вы родились в России, что вы – православные.

* * *

Любил повторять псаломские слова: *Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обла- дает мною всякое беззаконие* (Пс. 118, 133).

* * *

Никогда не снимайте крестик. Читайте утренние и вечерние молитвы обязательно.

* * *

Можно спастись и в семье, и в монастыре – только живи свято мирной жизнью.

* * *

Цель нашей жизни – вечная жизнь, вечная радость, Царство Небесное, чистая совесть, покой – и все это – в нашем сердце.

Проходят годы, мы вспоминаем те или иные слова старца – и только сейчас начинаем понимать, почему он так говорил, что значили его слова.

Из всех приведенных слов, да и из всего жизнеописания старца Николая мы можем составить ответ на вопрос: чему учил батюшка людей? – Учил духовному бодрствованию (или трезвению) и собранности, терпению, послушанию, скромности, устремленности к вечности, при этом – бережному отношению к ближним, жалости, скромности, трудолюбию, стремлению к постижению воли Божией и недопущению уныния. В целом – не заумному мудрованию, а устремленности к жизни по евангельским заповедям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.